SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- Владимир Соловьев
  -
  - Предисловие
  - Вступление. Слоновый год
  - Глава I. Историческая рамка
  - Глава II. Ранние годы Мухаммеда, его религиозное призвание
  - Глава III. Религиозные влияния. – Ханифы
  - Глава IV. Поручение проповедовать
  - Глава V. Сущность ислама. – Вера Аврамова. – Отношение к другим монотеистическим религиям
  - Глава VI. Взгляд Мухаммеда на самого себя
  - Глава VII. Первые возражения, встреченные Мухаммедом
  - Глава VIII. Учение Корана о предопределении и свободе. – Вера и добрые дела
  - Глава IX. Учение о будущей жизни
  - Глава X. Первая проповедь, первые преследования и обращения
  - Глава XI. Новые преследования и личные несчастья Мухаммеда. – Расширение горизонта
  - Глава XII. Первые ансары. – Хиджра. – Договоры
  - Глава XIII. Недовольство Мухаммеда против евреев. – Перемена киблы. – Повышенное самосознание
  - Глава XIV. Идея священной войны – Первые применения ее: битвы при Бедре и Оходе
  - Глава XV. Окопная война и ее следствия
  - Глава XVI. Мирный поход к Мекке и договор с корейшитами. – Первые шаги за пределы Аравии
  - Глава XVII. Окончательное торжество Мухаммеда

- Глава XVIII. Смерть Мухаммеда. – Оценка его нравственного характера
- Заключение

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9

Владимир Соловьев
Магомет
Его жизнь и религиозное учение
Биографический очерк
С *портретом Магомета,*
гравированным в Лейпциге Геданом

Предисловие

Основатель ислама называется на своем родном арабском языке *Мухаммед*, так в старину называли его и по-русски. Но в настоящем столетии вошло у нас в употребление взятое с французского Магомет. В тексте этой книжки введен мною *Мухаммед*, но на заглавном листе я должен был сохранить привычное для публики название.

Значение Мухаммеда и основанной им религии в общих судьбах человечества так важно, что писатель, занимающийся религиозной философией и философией истории, не нуждается в особом оправдании, если он, и не будучи ориенталистом, имеет свое собственное суждение о лице и деле арабского “пророка”. Но чтобы обезопасить себя от естественных в таком случае частных ошибок, я обратился за советами и указаниями к самому авторитетному из наших арабистов, который с первостепенной специальной ученостью соединяет и живой интерес к общим вопросам. Считаю приятным долгом выразить свою глубочайшую признательность академику барону В. Р. Розену за любезное участие, которое он принял в моем маленьком труде.

Главным источником для этой книжки был Коран, которым я пользовался в различных переводах, старых и новых. Из менее известных у нас переводов были мне рекомендованы бароном Розеном: Rodwell. El-Kor'an. 2 ed. Lond., 1876 и Rackert. Der Koran, herausgegeben von August Muller, 1888. Из прочитанных мною сочинений о Мухаммеде и об арабах его времени укажу только главные:

Nicolaus Cusanus. De cribratione alchoran (в собрании его сочинений).

Coussin de Perceval. Histoire des Arabes, т. 3.

Sprenger. Das Leben und die Lehre des Mohammed, т. 3.

Wellhausen. Skizzen und Vorarbeiten.

August Muller. Der Islam im Morgen– und Abendland.

Hubert Grimme. Mohammed.

Rabertson Smith. The religion of the Semites.

Для многих читателей нелишним будет заметить, что религиозное учение Мухаммеда, сохраненное в Коране и изложенное в настоящей книжке, так же не похоже во многих отношениях на позднейший ислам, или Мухаммеданство, как проповеди Шакьямуни Будды и уставы его общины не похожи на доктрины и учреждения северного (тибетско-монгольского) буддизма, или ламаизма. Несомненно, однако, что каждая из этих великих религиозных культур не есть только механическое

накопление разнородных элементов, а выросла на исторической почве из живого зерна, брошенного туда гением первого основателя, с именем которого не напрасно связано все дальнейшее образование.

Владимир Соловьев

Вступление. Слоновый год

Пятьсот семидесятый год по Р. Х. был одинаково зловещим для обоих владык, в непримиримой вражде между собою разделявших тогдашний исторический мир. “Самодержец Ромеев”, Юстин II, в Византии и “Царь царей”, Хозрой Ануширван, в Ктезифоне получили оба в разной форме грозное предостережение.

Еще Юстин Старый и Юстиниан, возобновляя войну с персами, решили, для отвлечения неприятельских сил, воспользоваться далеким христианским царством в Эфиопии, или Абиссинии, с которым и завязали дипломатические сношения, отчасти при посредстве духовных лиц. Сношения эти привели к тому, что негус аксумский[1], предки которого издавна стремились распространять свою власть на противолежащий аравийский берег Красного моря, занял своими войсками юго-западный угол Аравийского полуострова и поставил там своего наместника, причем имелось в виду двинуться впоследствии далее, к северо-восточной Аравии, где признавалось верховенство персидского царя и находились его передовые отряды. К осуществлению этого плана в больших размерах приступил в помянутом году наместник Абиссинский Абраха, собравший огромное для тех мест и времен ополчение, со многими боевыми слонами, привезенными из Африки и составлявшими для аравитян невиданную диковину. Это войско должно было двинуться из Йемена через Хиджаз в город Ятриб и оттуда к персидской границе. В Византии знали об этом предприятии и многого от него ожидали. Но по дороге из Йемена к Персии нельзя было миновать знаменитого города Мекки, бывшего некоторым федеративным центром для большей части аравийских племен. Отворить ворота Мекки абиссинскому войску значило подвергнуть всю Аравию той участи, которая постигла ее юго-западные области, значило подчиниться чужой иноплеменной власти. Решиться на это нельзя было без боя, но попытки сопротивления в открытом поле не имели успеха: перевес организованной военной силы был на стороне абиссинцев, а главное – африканские слоны с непривычки наводили ужас на арабов и их коней. Впечатление было так глубоко, что пятьсот семидесятый год вошел в историю под названием *слонового года.* Владевшее Меккой племя корейшитов и их союзники заперлись в городе и готовились к отчаянной защите. Абиссинцы обложили священный город, но в первую же ночь в их стане проявилась страшная и неведомая болезнь, от

которой большая часть людей погибла, а остальные в беспорядке бежали в Йемен, но почти все были перебиты по дороге бедуинами. Это положило конец не только дальнейшим предприятиям абиссинцев, но и самой их власти в южной Аравии и их союзу с Византией. Для греческого императора это было большое огорчение.

Но хотя персидский царь и воспользовался неудачей африканских союзников Византии и, вытеснив их из Йемена, водворил там на некоторое время свое владычество, – однако и для него 570 год был отмечен дурным предзнаменованием. В ту самую ночь, когда нечеловеческая рука истребила союзников его врага, сам он, по преданию, был поражен зловещим чудом: все священные сосуды в его дворцовом храме были опрокинуты и разбиты, и неугасимый огонь – символ верховного божества иранцев – внезапно потух.

Хоть греческий император был огорчен и смущен чудесной гибелью своих союзников, а персидский царь был поражен и испуган чудесным падением своих богов, – ни тому, ни другому властителю не было, однако, понятно все зловещее значение для них этой ночи, ибо они не могли знать, что в эту самую ночь, в доме беднейшего из жителей Мекки, Абдаллы, сына Абд эль-Мутталибова, родился мальчик, которому было суждено создать новую духовно-политическую силу, предназначенную объединить народы Востока и покончить тысячелетнюю распрю греческого и персидского царств – разрушением обоих[2].

Глава I. Историческая рамка

По дороге торговых караванов, отправлявшихся из Йемена и Эфиопии в Палестину и Месопотамию через Хиджаз (между среднеаравийским плоскогорьем Неджд и Красным морем), издавна главными станциями были Макораба (Мекка) и Ятриппа (Ятриб, впоследствии Медина). Первый из этих городов был торговым и религиозным центром аравийских племен, а второй имел значение международной или, лучше сказать, междурелигиозной связи Аравии с внеаравийской исторической стихией, так как в нем, кроме двух арабских племен Аус и Хазрадж, обитало много евреев, которые, подобно туземцам, составляли целые племена, или кланы (Бену-Кейнока, Бену-Надир, Бену-Корейза), и занимали особые части города. В близком соседстве с Ятрибом (Мединой) находилась чисто иудейская колония Хейбар, а несколько далее к северу – Тейма. Отсюда Синай и Иерусалим были ближе, чем Петербург от Москвы. Таким образом, место происхождения новой религии примыкает к священным местам иудейства и христианства. Кроме этой географической связи аравийской религии с еврейско-христианским откровением есть между ними родство племени, языка и преданий. Аравия издревле населена двумя семитическими племенами, которые Библия называет сынами Иоктана (Бытия X, 25 – 30) и сынами Измаила (Бытия XXV, 12 – 16). Оба племени говорили на одном и том же языке, весьма близком к еврейскому. Северные аравитяне задолго до Мухаммеда не только назывались измаильтянами у еврейских и у христианских писателей, но и сами они усвоили библейское сказание об Аврааме, Агари и Измаиле и обогатили его местными подробностями более или менее древнего происхождения. Источник Земзем в Мекке был тот самый, из которого явившийся по молитве Агари[3] ангел Господень (по мусульманской версии архангел Гавриил) напоил умиравшего от жажды Измаила; небольшой четырехугольный храм, или алтарь (Кааба), находившийся около этого источника, был, по преданию, построен самим Авраамом, пришедшим посетить своего изгнанного сына; черный камень-метеорит, вделанный в одну из стен Каабы, был тогда же принесен с неба архангелом Гавриилом; тут же вблизи был обломок скалы, на которую становился Авраам с Измаилом для молитвы – место Авраамово (Макам-Ибрагим). Тот факт, что все эти предания относились не к полуеврейскому Ятрибу и не к южной Аравии, где еврейский элемент приобрел одно время даже господствующее положение, а к Мекке, где евреи

никогда не жили, решительно противоречит, на наш взгляд, предположению многих новейших ученых, будто евреи произвольно навязали арабам библейское сказание об Измаиле, не имевшее будто бы первоначально никакого отношения к арабам. Еще менее вероятно, что все это было просто выдумано Мухаммедом. Теория Дози, по которой сама Мекка была первоначально еврейским поселением, не нашла признания в науке.

Аравийский полуостров до Мухаммеда представлял весьма пеструю картину: остатки высокой древней культуры на юге, зачатки новой цивилизации в силу внешних влияний на севере и полудикая, наполовину кочевая жизнь в середине. В южной Аравии, или Йемене[4], расположенном между Индией и Эфиопией, за много веков до Р. Х. существовали образованные государства, о которых свидетельствуют огромные развалины великолепных храмов, дворцов и разных культурных сооружений – мостов, водоемов, плотин, а также столбы с надписями об исторических событиях на арабском языке, но особыми письменами, которые недавно удалось разобрать ученым.

Некоторые из этих надписей, относящихся к главному из южноаравийских царств – Савскому, или Савейскому, о котором говорится в Библии, – дают твердое хронологическое указание благодаря сопоставлению их с клинообразными надписями Ассирии. А именно, и там, и здесь встречается одно и то же лицо сабейского царя или князя Итамара, или Ятаамара. Найденная в Ниневии клинообразная надпись царя ассирийского Саргона, относящаяся к 715 году до Р. Х., извещает, что этот царь получил от Итамара Савейца дань: золото, травы восточной земли, рабов, коней и верблюдов; а многие из южноаравийских надписей говорят об Ятаамаре, князе Савейском.

Падение этих южноаравийских царств, имевшее, как мы увидим, влияние на возникновение новой религии, произошло во II веке по Р. Х. и обусловлено было извне двумя главными причинами. Во-первых, после основания Александрии, особенно же с возвышением Рима, великий торговый путь из Индии в Средиземноморские страны перестал проходить через Йемен (сухим путем), а отклонился к западу (Красным морем), так что царство Савское со своим главным городом Ма'рибом, процветавшее прежде как центральный этап этого великого пути, осталось от него в стороне и пришло в упадок. Доконало его другое бедствие случайного характера, но скоторым ослабевшее царство уже не могло справиться. Огромная каменная плотина около Ма'риба, остатки которой сохраняются и теперь, рушилась от землетрясения. Между тем, это древнее сооружение было

после международной торговли вторым главным условием благосостояния Савского царства: плотина задерживала накоплявшиеся в горах воды и позволяла распределять их сообразно нуждам земледелия. Таким образом, это разрушение плотины, навсегда запечатлевшееся в национальной памяти арабов, не только уничтожило наводнением главный город Савского царства, но и у сельского населения отняло средства к существованию; страна, уже обедневшая вследствие упадка торговли, стала теперь жертвой стихийных сил и лишилась возможности прокармливать свое густое в то время население. Многие племена арабов-токтанидов двинулись на север, в область измаилитов; одно из них – племя Хозаа овладело Меккой и отняло у господствовавших там прежде корейшитов заведование Каабой. Оставшееся население Йемена вошло в состав нового государства Химьяр (Гомериты), которое просуществовало несколько веков, но в богатстве и могуществе никогда не могло сравниться с древним Савским царством. Князья и часть населения этого Химьярского государства исповедовали одно время еврейскую веру, как было у наших хозаров.

Пока на юге разрушались остатки древней аравийской культуры, на северных окраинах полуострова, под влиянием персидской и греко-римской цивилизации, кочевые арабы переходили более или менее к оседлости и даже к государственности. На северо-востоке, в низовьях Евфрата, образовалось со столицей Хира и династией Лахмидов арабское государство, ставшее в вассальные отношения к новоперсидскому царству Сассанидов; а на северо-западе, близ пределов Палестины, династия Гассанидов управляла окрестными арабами в зависимости от сирийского наместника ромейского императора. Здесь, таким образом, влияние обеих великих держав Востока уравновешивалось; в южной Аравии они вступили в борьбу за преобладание, которая имела переменный успех и была упразднена лишь появлением ислама. Мы видели (см. вступление), какую роль в этой борьбе имела Абиссиния и как ее войско, предназначенное против персов, внезапно погибло перед Меккой.

Тяготившиеся абиссинским игом химьярские князья в Йемене, ободренные неудачей своих завоевателей под Меккой, решили восстать и послали одного из своих к персидскому царю Хозрою Ануширвану просить о помощи против абиссинцев-христиан, союзников Византии. Царь послал в Йемен войско под начальством полководца Вахриза, который двукратно разбил абиссинцев, изгнал их из Аравии и утвердился сам в городе Сане как наместник великого царя над туземными князьями.

Но дни персидского, так же как и византийского, владычества в Аравии были уже сочтены. В Мекке родился человек, через которого исполнились древние обетования Божии об Измаиле, предке его: и рече ей (Агари) ангел Господень: “умножая умножу семя твое и не сочтется от множества: се ты во чреве имаши и родиши сына и наречеши имя ему Исмаил *(Ишма эль* значит “услышал Бог”): яко услыша Господь смирение твое. Сей будет селный человек, *и руце его на всех и руки всех на него, и пред лицем всея братии своея вселится”* (Бытия XVI, 10 – 12). “О Исмаиле же се послушах тебе: и се благослових его, и возращу его, и умножу его зело: дванадесять языки родит и дам его в язык велий” (Бытия XVII, 20; см. также XXI, 13,18).

Родители Мухаммеда принадлежали к измаилитскому племени корейшитов, господствовавших в Мекке еще до Рождества Христова. Во II веке до Р. Х., вследствие упомянутой катастрофы в Йемене, принудившей жителей этой страны к выселению, племя Бену-Хозаа, придя с юга, овладело окрестностями Мекки, а потом и самой Меккой, отняв у корейшитов заведование храмом. Это племя хозаитов, как и прочие южноаравийские племена, было гораздо более склонно к фетишизму и натуралистическому многобожию, нежели северяне-измаилиты, и водворение хозаитов в Мекке, без сомнения, усилило здесь идолопоклонство и способствовало косвенным образом той монотеистической реакции, которой победоносным представителем впоследствии сделался Мухаммед.

Мекка издавна была, по выражению Вельгаузена, “перекрестным пунктом в вихре внутренних народных переселений арабов. Многие народные наслоения легли на этой почве и оставили свои следы в различных святилищах и связанных с ними божьих именах”.

Город обязан был своим возникновением, говорит тот же ученый, без сомнения, своему святилищу, которое, в свою очередь, основалось на этом месте, вероятно, благодаря источнику Земзем. Хотя мусульманское предание преувеличивает *исключительное* значение Каабы, но, во всяком случае, почитание этой древней святыни было широко распространено, и о ее значении свидетельствуют уже обширные размеры священной ограды *(хорам)*. Мекка и ее окрестности были местом паломничества в великий годовой праздник (хадж) в священные месяцы перемирия для аравийских племен. С религиозным движением толпы соединялись, как всегда бывает, социальные и торговые сношения. К хаджу приурочивались ярмарки в ближних к Мекке местечках (Указ, Мина и др.), но главное значение оставалось за Меккой как самым большим городом на всем

полуострове. Раньше ислама меккийский календарь уже был принят в большей части Аравии.

Понятно, что корейшиты не мирились с потерей своего преобладания в Мекке, и святилище мира сделалось яблоком раздора для двух племен. Наконец, в V веке, по преданию, один из предков Мухаммеда сумел вернуть своему роду хозяйские права над Каабой тем же способом, каким его древний родич Израиль приобрел права первородства от своего простодушного брата.

Лет за полтораста до Мухаммеда между племенами, переселившимися из Йемена в северную Аравию, было небольшое племя Озра, поселившееся недалеко от Ятриба (Медины). “Как-то спрашивали одного бедуина: какого ты племени?” “Я – из тех людей, – отвечал он, – которые умирают, когда любят”. Слышавшая это женщина воскликнула: “Он Озрит, клянусь Богом!” Ибо Бену-Озра, – замечает арабский историк, – славятся по всей Аравии своей безмерной страстностью в любви”. Из этого племени одна девушка Фатима вышла замуж за корейшита Килаба и родила в Мекке двух сыновей. Вскоре овдовевши, она вернулась с младшим сыном к своему племени в Ятриб, вышла там вторично замуж за соплеменника и родила ему сына Ризаха, который и воспитывался вместе с братом своим. Этот последний, как приведенный из другого племени, получил между озритами прозвание Косай, что значит выходец; с этим названием он и остался в истории.

Некоторые новейшие историки (между прочим, и Август Мюллер) не считают Косая историческим лицом, не приводя, однако, убедительных оснований для своего скептического взгляда, с которым я позволю себе не согласиться. Деда Мухаммедова Мутталиба те же ученые не признают мифом, а ведь этот исторический дед только двумя поколениями был отделен от предполагаемого мифологического Косая. Хотя нет закона, определяющего, на какой степени восходящего родства наши действительные предки превращаются в мифы, однако можно принять за общее правило, что увековеченный в народной памяти *прадед* исторического лица не может считаться чистым мифом.

Достигши зрелого возраста, Косай вернулся в дом отца своего в Мекку, но и оттуда поддерживал добрые сношения с племенем матери и отчима. В Мекке в то время старейшим вождем хозаитов, владевших Каабой, был Холейль, у которого в руках находились и ключи от святилища. Косай с ним сошелся и женился на его дочери. Он надеялся, что тесть усыновит его и передаст ему ключи Каабы, но тот, хотя при жизни позволял ему иногда замещать себя в священной должности, однако опасался

обидеть соплеменников и, умирая, передал ключи старейшему из Бену-Хозаа – Абу-Губшану. Но Косай не отказался от своего намерения и решился для исполнения его воспользоваться слабостью соперника. Однажды он напоил Абу-Губшана пьяным, и, когда тот в полусознательном состоянии стал требовать еще пить, Косай предложил ему мех с вином в обмен за ключи от Каабы, на что тот охотно согласился. С тех пор и до сего дня всякая сделка, в которой кто-нибудь сильно одурачен, называется у арабов торгом Абу-Губшана, а чтобы выразить крайнюю степень слабоумия, говорят: “он глупее, чем Абу-Губшан”.

Однако хозаиты не хотели быть жертвой этой образцовой глупости своего соплеменника и подняли оружие в защиту своих прав. Чтобы обеспечить себе победу, Косай обратился в Ятриб к сводному брату своему Ризаху, который привел ему на помощь всех Бену-Озра. Соединившись с ним, корейшиты одолели хозаитов, и Косай стал общепризнанным управителем Каабы. Он благоустроил святилище, учредил священное знамя (лива), священный налог (рифаде) и разные должности, связанные с потребностями бесчисленных богомольцев во время сборных празднеств (правильное распределение воды, распоряжение процессиями и т. п.). Этот Сеид Косай, утвердивший в Мекке власть корейшитов, родил трех сыновей, из коих младший был Абд-Менаф, а от Абд-Менафа в пятом поколении произошел Мухаммед[5], сокрушивший свой род и племя, но давший силу и единство всем аравийским племенам, а через них и множеству других народов Азии и Африки.

Глава II. Ранние годы Мухаммеда, его религиозное призвание

Отец Мухаммеда умер за два месяца до его рождения, а мать – когда ему было шесть лет. Воспитывал его сначала дед Абд-эль-Мутталиб, а потом – дядя Абу-Талиб, которого он еще в отрочестве сопровождал в Сирию (по торговым делам), и там, в Басре, по преданию, один несторианский монах, по имени Бахира, предсказал ему великую судьбу. В 584 году во время войны между корейшитами и Бену-Хавазин он сопровождал своих дядей в сражении при Нахле и поднимал для них падавшие стрелы. Родители Мухаммеда, хотя принадлежали к господствовавшему роду, были бедны и не оставили ему никакого состояния. До 24-летнего возраста он был в услужении у своих дядьев, пас их стада или же исполнял должность погонщика верблюдов. Несмотря на такое незначительное положение, он стал известен своими способностями и честностью и получил прозвание *эль-амин,* что значит верный. В 594 году богатая вдова (от двух мужей) Хадиджа, дальняя родственница Мухаммеда (дочь Ховейлида, внука Абд-Менафова), обратила на него внимание и сделала своим приказчиком. Он с успехом водил ее караван в Сирию, и в следующем году она вышла за него замуж. Ей было сорок лет, ему – двадцать пять. Брак их был вполне счастлив, хотя не дал Мухаммеду мужского потомства; три сына, рожденные ему Хадиджой, умерли в детстве, дочери же – Зейнаб, Рокайя, Омм-Кольсум и Фатима – остались в живых и впоследствии сделались мусульманками. Когда родилась последняя дочь, Хадидже был уже 51 год; она после того прожила еще 13 лет, и Мухаммед все время был ей верен; нет так же вероятия, чтобы до брака с нею он знал женщин. Таким образом, неумеренность в чувственной любви, которую обыкновенно ставят в вину Мухаммеду, относится исключительно к его старости и должна быть приписана скорее прежнему воздержанию, нежели порочным нравам. Оправдание старческих слабостей Мухаммеда и вместе с тем объяснение его тридцатилетней добродетельной жизни можно найти в его собственном, очевидно искреннем, заявлении: “Более всего на земле я любил женщин и ароматы, но полное наслаждение находил всегда только в молитве”.

Сила духа, обнаруживаемая человеком, находится в прямом отношении с силой тех низших душевных страстей, которые он поборет в себе. Великая сила, обнаруженная Мухаммедом в его

историческом деле, питалась его сдерживаемой страстностью. Если бы он сдерживал ее всегда и во всем, он был бы совершенным человеком, каким он не был и быть не мог. Он не имел и притязания на такое совершенство, а потому вполне несправедливо осуждать его за человеческие слабости, которые он не скрывал. Точно так же несправедливо ставить вопрос, в какой мере он был истинным и в какой ложным пророком. Это несправедливо уже потому, что он вовсе не выдавал себя за пророка в общепринятом теперь смысле этого слова. Название *ресул-аллах,* которое обыкновенно дается Мухаммеду им самим и его последователями, значит *посланник Божий,* то есть человек, получивший поручение, миссию от Бога. Миссия эта состояла только в том, чтобы *проповедовать арабам единство и праведность Божию, различие добра и зла и будущий суд.* Как Мухаммед верно и успешно исполнял торговые поручения, которые ему давали сначала дядья, а потом Хадиджа, так же верно и успешно исполнил он и то поручение, которое он, по своему убеждению, получил от Бога. А на какую-нибудь высшую задачу, требующую чудесных даров и полного нравственного совершенства, он не только не заявлял притязаний, но прямо и много раз утверждал, что никакой подобной задачи не имеет. После этого называть его обманщиком или лжепророком есть верх несправедливости.

Но имел ли Мухаммед действительно ту миссию, которую себе присваивал? Если видеть во всемирной истории дело случая, результат внешнего механического сцепления мелких фактов, тогда, конечно, Мухаммед не имел никакой миссии, но единственно только потому, что с этой точки зрения вообще никто никакой миссии иметь не может. Если же признавать в истории внутренний смысл и целесообразность, тогда, без сомнения, такое огромное мировое дело, как создание ислама и основание мусульманской культуры, должно быть отнято у него; а способ, каким он, по собственному своему свидетельству, получил ее (см. ниже), совершенно согласуется с психологическим опытом и историческими аналогиями.

Чтобы получить историческую миссию в каком-нибудь деле, необходимо прежде всего иметь прирожденное дарование или особенную способность именно к этому делу. Хотя религия назначается для всех, но не через всякого религиозные идеи открываются и вводятся в сознание и жизнь человечества. Для деятельной роли в религиозной истории так же необходимо призвание, вдохновение, гений, как и для того, чтобы совершить что-нибудь великое в области науки, искусства, политики. У Мухаммеда несомненно был специальный религиозный гений. Если бы мы никогда не читали Корана и не знали, что Мухаммед

связал прочным религиозным единством добрую треть исторического человечества, то его признание, что при сильно развитой чувственности он всегда находил настоящее наслаждение только в молитве, было бы совершенно достаточно, чтобы мы сказали: вот человек гениальный в области религии. Эта религиозная гениальность была производящей причиной ислама, ибо благодаря ей Мухаммед *не мог* удовлетвориться старой религией своих соплеменников и *мог* дать им новую. Разумеется, одной этой производящей причины самой по себе недостаточно; конечно, религиозный гений Мухаммеда хотя проявился бы как-нибудь при всяких обстоятельствах, но для того, чтобы он произвел именно *это* действие (создание ислама), необходимо было *стечение* многих независимых от него определяющих условий и факторов – в чем именно и состоит провиденциальный характер исторического дела.

Религией, по несомненному общему смыслу, независимо от сомнительной этимологии, мы называем то, что, во-первых, связывает человека с Богом, а во-вторых, в силу этой первой связи, соединяет людей между собой. Мухаммед знал три религии: национальную религию арабов, имевшую свое срединное святилище в его родном городе Мекке; религию Моисееву – от евреев Медины, и религию христианскую – преимущественно от монахов, с которыми встречался во время своих путешествий в Сирию, а также от эфиопов, заходивших в Мекку из Йемена. (Упоминаемая в Коране религия сабиев, или крестильников, была лишь гностическо-христианской сектой. Остатки этих сабиев существуют и ныне в Месопотамии и известны под именем мандейцев.) Национальная религия арабов была в состоянии смешения и разложения. Первобытный натурализм местных культов, приуроченных главным образом к священным камням и деревьям, терял свою живую силу над умами по мере возвышения племен над диким состоянием и по мере развивавшегося между ними взаимодействия. Знакомством с чужими богами, естественно, подрывалось исключительное значение своего собственного. Самое понятие Божества хотя начинало сознаваться в своей общности, но лишь смутным и неопределенным образом. Для его обозначения у арабов искони существовало слово *Аллах* общего семитического корня (иль, эль и т. д.), но с этими словами, кроме понятия о божестве, вообще соединялось также и представление об особом главном боге, – владыке Каабы.

Божество представлялось внешними материальными предметами – естественными и искусственными идолами, хотя, конечно, не совпадало с ними, а богопочитание состояло

единственно из внешних действий, оргий и жертвоприношений; были в употреблении и человеческие жертвоприношения – военнопленных и детей. Господствовавший обычай, требовавший, чтобы родители умерщвляли детей женского пола (если их было много), закапывая их живыми в землю, по всей вероятности был также связан с религиозным культом (хотя некоторые родители просто не хотели иметь дочерей и закапывали всех до одной). Духи умерших, особенно убитых, требовали человеческих жертвоприношений. Мусульманские историки рассказывают, между прочим, что в битве при Бедре Хабиб убил Хариса, потом (в битве при Оходе) попался в плен и был продан детям Хариса, которые сочли своей обязанностью принести его в жертву духу убитого отца.

Такое богопочитание не устанавливало никакой связи между человеком и божеством и не могло удовлетворять религиозное чувство. Так же мало оно могло служить нравственному и социальному объединению людей. Собрание людей разных племен вокруг Каабы во время хаджа имело, конечно, важное значение, поскольку оно знакомило их друг с другом, расширяло их умственный кругозор и представляло каждому наглядным образом идею национального единства. Но для осуществления на деле этого единства такой внешний способ был, конечно, недостаточен. Как из помещения многих идолов в одном огороженном пространстве не выходило одной религии, так и временное собрание всех арабских племен около этой ограды для наружного поклонения этим пестрым богам и для торговых сделок не создавало из этих племен одного социального целого. Священные месяцы проходили, и жесткие распри с убийствами и грабежами возобновлялись с прежней силой, и долг кровавой мести из рода в род оставался отличительной чертой арабских нравов и единственным общепризнанным законом арабской жизни.

Глава III. Религиозные влияния. – Ханифы

Национальная религия арабов ко времени появления Мухаммеда частью утратила всякий смысл, насколько в ней содержались мифологические представления, неясные для народа, уже вышедшего из мифологического возраста, частью же в своем культе сохраняла смысл безнравственный, состояла в освящении и возбуждении дурных влечений, особенно кровожадности в человеческих жертвоприношениях.

Между тем северные арабы недаром вели свое происхождение от отца верующих. Их лирическая поэзия, роскошно расцветшая в первые века нашей эры, показывает сильное развитие внутреннего индивидуального чувства, напряженность личной душевной жизни, которая не могла удовлетворяться ни одной внешней обрядностью, ни погружением в низшую чувственность. За отсутствием религиозных мотивов в национальной жизни эта поэзия воспевает любовь и подвиги мужества в междоусобных войнах племен и родов. Но в эти человеческие отношения, вдохновлявшие их поэзию, арабы вкладывали такую напряженность и экзальтацию внутреннего чувства, в которой уже можно было предвидеть их религиозное будущее. Достаточно вспомнить, что про целое племя Бену-Озра сложилась пословица, что они умирают, когда любят.

Безграничная преданность в любви и дружбе, верность долгу (преимущественно долгу кровавой родовой мести), мужество в борьбе с внешними опасностями (воспитание кочевой жизнью в пустыне) и страсть к смелым подвигам (питаемая постоянными междоусобиями), – вот главные положительные черты арабского национального характера, выражающие решительное преобладание в нем субъективной, личной стороны духа. Этим положительным чертам вполне соответствуют и отрицательные: равнодушие к объективной истине как таковой, к истине внешнего факта, затем сварливость и, наконец, то упрямство, о котором свидетельствует Мухаммед в Коране: “Арабы пустыни самые упрямые в неверии и обмане” (Сура IX, 98).

Если этот и в недостатках своих сильный народ несомненно перерос свою традиционную религию, то он, с другой стороны, был мало способен к принятию христианства, особенно в том виде, в каком оно было для него доступно. Напряженная энергия субъективного духа, повышенное самочувствие и самоутверждение личности несовместимы ни с созерцательным

аскетизмом, ни со вкусом к художественной обрядности, ни с пониманием трансцендентных богословских умозрений, ни с подчинением сложному иерархическому порядку. Между тем все эти хотя необходимые, но все-таки второстепенные производные факторы истинной религии были уже слишком на виду в христианстве VI века и закрывали для простого взгляда внутреннюю субъективную сущность Евангелия – личное жизненное единение возрождающегося человека с вочеловечившимся Богом-Спасителем. Это собственно – христианское начало богочеловечности – воплощенного Бога и обожествляемого человека – было *в отвлеченной идее* недоступно арабскому уму, а цельного, конкретного осуществления этой идеи он не видел в известном ему христианстве. Не нужно также забывать, что арабы Хиджаза почти не имели дела с православным христианством и сталкивались, главным образом, с еретиками: монофизитами и несторианами, а у этих христиан сама основная идея христианства (совершенное соединение божества и человечества) подверглась существенному искажению. Внутреннее родство мусульманства с христианскими ересями несомненно. Внешняя историческая связь издавна признавалась, хотя не может быть доказана. Еще в XV веке Николай Кузанский de cribratione Alchoran утверждал, что Мухаммед принял христианство от несторианского монаха Сергия, проповедовавшего в Мекке, но потом был сбит с толку евреями. Таким образом, если для чувствительного к религиозной правде араба его национальные культы были слишком низменны, то христианство было для него слишком сложно, слишком загромождено чуждыми для непосредственного чувства объективными наслоениями – догматическими, обрядовыми, иерархическими.

Между тем, предание единобожной религии, связанной с именами Авраама и Измаила, по-видимому, никогда не исчезало на арабской почве. Кроме библейского Иова, который, по всей вероятности, принадлежит Аравии, в Коране часто упоминаются пророки или посланники единого истинного Бога, проповедовавшие Его различным аравийским племенам, погибшим впоследствии за непослушание этой проповеди. Так, у мидианитов был пророк Шоаиб, у темудитов – Салих и у адитов – Худ. Совершенно отвергать эти известия и считать эти лица и племена чистыми вымыслами, кажется, нет достаточных оснований. Как бы то ни было, понятие о едином истинном Боге и о необходимости чистого служения Ему существовало раньше Мухаммеда и между теми арабами, которые не принимали еврейства и христианства. Такие люди для приверженцев

национальной религии были отделившимися, отщепенцами, или, по-арабски, *ханифами* (слово, приблизительно равнозначное нашему *еретик)*. Но таково было внутреннее влечение арабского духа к монотеизму, что это слово скоро утратило свой порицательный смысл и стало обозначать последователя древней веры Авраамовой и Измайловой. В этом смысле и Мухаммед называет себя ханифом.

Чем живее пробуждалось у лучших арабов религиозное сознание, тем менее могли они удовлетворяться отвлеченным понятием единобожия без всякой конкретной формы, определяющей отношение человека к Богу. Религиозное миросозерцание семитов, кроме монотеистической идеи, издревле характеризовалось идеей *пророка* или *посланника* Божия, то есть человека, находящегося в *особом личном* отношении к Богу, получающего откровение свыше и становящегося посредником между Богом и людьми, которые через него получают священный закон и писание. Для арабов, как настоящих семитов, без *посланника* и *книги* нет настоящей религии. Поэтому те из ханифов, которые не кончали переходом в христианство, жили ожиданием нового пророка, который даст арабам то, что евреи получили от Моисея и христиане – от Иисуса Христа. Был, правда, еще выход. Связывая свою веру с Авраамом, можно было в нем видеть своего пророка. Но вера Авраамова была слишком обща; ее признавали и иудеи, и христиане, однако для образования их религий нужны были кроме Авраама и его веры еще особые посланники и особые откровения. К тому же Авраам не оставил по себе книги. А книга была так необходима для религиозного сознания арабов, что многие ханифы, за неимением подлинных писаний Авраама, добывали и переводили с халдейского языка на арабский распространенные в Сирии и Месопотамии апокрифические Авраамовы свитки (сохоф), принадлежавшие, по всей вероятности, к священной литературе сабиев (крестильников), упоминаемых и в Коране. Но эти чужеземные апокрифы и по происхождению, и по характеру своему могли только поддерживать, но не удовлетворять религиозную потребность ханифов, и ожидание нового откровения осталось в силе среди избранных умов Аравии.

У древнейшего летописца мусульманства Ибн-Исхака находится следующий рассказ. “Однажды корейшиты собрались при Каабе вокруг одного из главных своих идолов, которому они приносили жертвы и перед которым совещались о делах своих. Раз в год бывало большое собрание и большой праздник. И вот четверо мужей отделились от прочих и, отойдя в сторону, тайно сообщили друг другу свои мысли. Это были: Барака, сын

Науфала, сына Асадова, племянник Хадиджи, первой жены Мухаммеда; родственник его Осман, сын Ховейриса; Убейдаллах, двоюродный брат Мухаммеда, и Зейд, сын Амра. И вот что они говорили между собою: “Сограждане наши находятся в заблуждении, они извращают истинную веру Авраамову. Доколе будем мы, как они, вертеться вокруг камня, который не видит и не слышит, и не может сделать нам ничего – худого или доброго. Поищем веры лучшей, чем эта”. И они покинули родину свою и отправились странствовать по чужим краям, отыскивая веру ханифов, истинную веру Авраамову.

Из этих четырех трое приняли христианство, между прочим, и свойственник Мухаммеда Барака, хотя это не мешало ему ожидать нового пророка для арабов и благосклонно отнестись к посланничеству Мухаммеда. Четвертый, Зейд, не нашел удовлетворения и в христианстве. Он вернулся в Мекку таким же чистым ханифом, каким и отправился в свои религиозные поиски. Мухаммед, по преданию, часто видал и слушал его около Каабы, проповедующего против идолопоклонства во имя чистой веры Авраамовой. “Клянусь тем, в чьих руках жизнь моя, я один из вас всех держусь религии Авраамовой”. Но он при этом чистосердечно признавал недостаточность своей отрицательной проповеди и прибавлял: “О Аллах! если бы я только знал, какой образ поклонения угоден тебе, я сейчас бы принял его; но я этого не знаю”. Предприняв новое путешествие в Сирию, Зейд на обратном пути узнал о выступлении Мухаммеда с проповедью и спешил в Мекку, чтобы разузнать, в чем дело, но на границе Хиджаза был убит разбойниками. Свои религиозные взгляды Зейд выражал не только в беседах, но и в стихотворениях, сохраненных арабскими историками; он обличал в этих стихах ложь идолопоклонства и проповедовал единого, праведного и милосердного Бога. Мухаммед очень высоко ценил его и однажды сказал (по преданию), что в день Великого Собрания (то есть на Страшном Суде) Зейд Ибн-Амр один составит целую церковь.

Глава IV. Поручение проповедовать

Мухаммеду минуло сорок лет. Личная жизнь его была все время вполне благополучна. Жена его Хадиджа, обладавшая, как видно, необычайными силами духовными и телесными, пользовалась, несмотря на свои лета,всей прежней его привязанностью. Старшая дочь его была уже замужем, вторая помолвлена, а отсутствие мужского потомства было возмещено усыновлением двух молодых людей, безгранично ему преданных; это были: Али, сын его дяди и покровителя Абу-Талиба, и Зейд Ибн-Харис, невольник христианского происхождения, которому он дал свободу, а потом и усыновил. Все близкие любили Мухаммеда, сограждане уважали его за честность и благочестие; богатство жены избавляло его от материальных забот, и он мог бы жить спокойно и счастливо, если бы не заговорило в нем его религиозное призвание. По преданию, еще в первой молодости он ежегодно уходил на месяц в пустынные горы Хира, недалеко от Мекки, и там отдавался уединенным размышлениям. Его ум перерабатывал и усваивал себе те духовные влияния, которые он в обычной жизни получал от евреев, христиан и ханифов. В нем вырастало и укреплялось сознание, что боги его народа суть бездушные и бессильные идолы, а что истинный Бог один над всеми и для всех, что этот Бог, Которого некогда в этой самой Мекке исповедовал праотец Авраам, открывал потом свою истину и свою волю разным народам через разных пророков, но что арабы не знали Его потому, что забыли веру Авраамову и не являлось среди них посланника Божия, который напомнил бы им и восстановил ее. После того как Мухаммед внутренне убедился в теоретической истине единобожия, для него оставались неразрешенными два практические жизненные вопроса: 1) что должен он делать, чтобы угодить единому, истинному Богу, как или чем он должен служить Ему? и 2) как помочь арабам, погрязшим в заблуждении? Оба эти вопроса разрешались одним и тем же словом: *проповедь;* но Мухаммед эль-Амин был только честный арабский купец, ничего не знавший об автономной нравственности и категорическом императиве. Уверовавши в живого Бога, он относился и к Нему так же, как, будучи приказчиком, относился к своим хозяевам. Проповедование людям истинной веры было делом Божиим, которое Аллах *поручал* своим избранникам, как хозяин поручает доверенному приказчику доставить свой караван по назначению. Мухаммед не мог брать на себя дела Божия, пока оно не было ему поручено самим Богом. И вот, с неудовлетворенным нравственным

стремлением и неутоленной жаждой религиозного дела, тоскливо бродил он в пустынных ущельях Хира.

В месяц Рамадан 610 (а может быть, 612) года, во время своего ежегодного отшельничества, зашел он в пещеру и, утомленный долгими и бесплодными размышлениями, лег и заснул. То, что произошло с ним в эту ночь в пещере, было потом разукрашено всяческими легендами; но вот его собственный простой рассказ, сохраненный в одном из преданий и отчасти засвидетельствованный Кораном. “Вдруг я почувствовал во сне, что кто-то приблизился ко мне и сказал: *читай!*. Я отвечал: *нет!* Тогда тот сдавил меня так, что я думал, что умираю, и повторил: читай! Я опять отказался, и опять явившийся сдавил меня, и я услышал слова: *“Читай во имя Господа твоего, который созидает – созидает человека из кровяного сгустка. Читай: Господь твой – Он милосердный – дает знать через писчую трость, дает знать человеку то, чего он не знал”* (Сура XCVI, 1 – 5). Когда я это прочел, явление отступило от меня, и я проснулся. И я чувствовал, что эти слова, написаны в сердце моем”.

Мухаммед вернулся домой вне себя. Хадиджа с полным вниманием и доверием выслушала его рассказ, а родственник ее, Варака, которого она позвала по этому случаю, сказал: “Если это правда, Хадиджа, то значит на него сошел великий Намус, сходивший некогда на Моисея, и тогда значит он пророк нашего народа”[6].

После этого с Мухаммедом несколько недель не было ничего особенного, но он, видимо, чего-то ждал, ибо снова отправился в пустыню ранее обычного срока. Пробродив понапрасну в горах, он впал в страшное томление и готов был броситься с высокой скалы, чтобы избавиться от давившей его тоски. Тут вдруг какое-то чудесное сияние озарило его, и он почувствовал полную уверенность и спокойствие в душе. Но тело его изнемогало, и он вернулся домой в сильной лихорадке. Он удалился в садовую беседку и, попросивши, чтобы его завернули в плащ, лег на пол и тут в сильном нервном припадке (по ходячему мнению – эпилептическом) услышал следующие слова: “Ты, *завернутый в плащ! Вставай! Проповедуй! Господа твоего, прославляй Его! Одежды твои – очисти их! Нечистоты – избегай ее! Не будь добр из своекорыстия – и Господа твоего – крепко держись Его!”* (Сура LXXIV, 1 – 7).

После этого второго откровения Мухаммед более не колебался признать себя посланником Божиим и принять поручение свыше – проповедовать арабам истинную веру и обличать их заблуждения.

Эти два первые откровения важны не по своему содержанию,

которое очень общо и бедно, а потому, что в них обнаружилась для Мухаммеда особая личная связь его с Богом, установился факт его посланничества. А раз этот факт был для него вне сомнения, то впоследствии всякий прилив вдохновения, всякое внутреннее побуждение к религиозной проповеди, хотя и не сопровождавшееся никакими особенными явлениями в области внешних чувств и телесной жизни, Мухаммед мог совершенно искренно и добросовестно принимать за божественное внушение. А что те первые явления не были измышлены Мухаммедом, а произошли действительно, это доказывается, во-первых, произведенным ими действием, а во-вторых, простотой и реальностью в рассказе Мухаммеда. “Если бы он был шарлатаном, – справедливо замечает Август Мюллер, – то он не преминул бы сочинить побольше ярких и определенных описаний происшедшего с ним явления, говорил бы о каком-нибудь ангеле с крыльями и т. д.”. Между тем не только непосредственно после своих припадков, но и впоследствии, вспоминая о них и настаивая на их истинности ввиду враждебного отношения к его проповеди со стороны корейшитов, по поводу нового посетившего его видения, Мухаммед не уснащает факта никакими живописными подробностями. Вот как он говорит о нем в Суре LIII (следую немецкому переводу помянутого ученого): “Воистину то было небесное откровение. Он сам научил земляка вашего. Он, сильный крепостью, Он, могучий. Тогда встал Он, как был Он, на небе небес. Потом сходил он ближе и ближе, пока не сошел на два выстрела из лука или еще ближе. И открыл он слуге своему откровение, – не солгало сердце, что видел он. Или вы теперь спорите, что видел он? Уже видел он Его однажды нисходящим – у дерева в конце сада – там сад отдохновения – тогда дерево было покрыто листвою – не уклонялся в сторону и не отвращался глаз его (то есть Мухаммеда) – воистину из чудес Господа своего величайшее увидел он”.

Глава V. Сущность ислама. – Вера Аврамова. – Отношение к другим монотеистическим религиям

Хотя Мухаммед придавал важность и чувственным явлениям, сопровождавшим получение им божественного откровения, – существенным для него было, конечно, самое это откровение, то есть Коран. Коран, собственно, значит *чтение;* но это чтение было первоначально внутренним, сердечным восприятием божественных глаголов, которые Мухаммед затем (иногда несколько времени спустя) произносил вслух и диктовал своим близким. Хотя Коран с самого начала представляется Мухаммедом как книга, но эта книга не похожа на обыкновенные писания – дело рук человеческих; она существует на небе и оттуда сообщена пророку: "Воистину Твой Бог Властитель, Милосердный. Эта книга воистину идет от Владыки миров. Верный дух принес ее с неба. *Он положил ее на сердце тебе,* чтобы ты был посланником. Она изложена по-арабски, и слог ее чист. Книги священные и древние упоминают о ней"(Сура XXVI, 191-196).

Такова форма откровения по Мухаммеду. В чем же он полагал самую сущность и главное содержание истинной религии?

"Скажи тем, которые станут спорить с тобою: *я отдал сердце мое Богу,* также и те, что следуют за мною" (Сура III, 18).

"Скажи им: или мне искать другого покровителя, кроме Бога? Он сотворил небо и землю. Он питает и не питается. Я получил приказание – первый (из арабов) – обратиться к исламу и не давать равного Всевышнему" (Сура VI, 14).

"Авраам сказал отцу своему Азару: воздам ли изваяниям поклонение, подобающее единому Богу? Ты и народ твой во мраке глубоком. Мы показали Аврааму славу неба и земли, чтобы сделать веру его непоколебимой. Когда ночь осенила его, он увидел звезду и воскликнул: вот мой Бог! Но звезда исчезла, и он сказал: я не люблю того, что исчезает. Увидев восходящую луну, он сказал: вот мой Бог! Но когда луна зашла, он прибавил: если бы Господь не просветил меня, я был бы в заблуждении. Когда солнце появилось на востоке, он воскликнул: вот это мой Бог – он больше других! Но когда солнце закатилось, он продолжал: народ мой! Я не причастен поклонению вашим божествам, я поднимаю чело мое к Создателю неба и земли; почитайте Его единого; я не с

теми, что причисляют богов к Богу" (там же, 74 – 79).

"Они приравняли джиннов Богу, а те лишь создания Его. Они приписывают Ему детей в невежестве своем. Хвала Богу, далече от него такое богохульство"(там же, 100).

"Если они откажутся верить учению твоему, скажи им: *мне довольно и одного Бога.* Нет Бога, кроме Него; на Него возложил я все доверие свое. Он – владыка верховного престола" (Сура IX, 130).

"Если вы будете неверны, то Бог все-таки останется Владыкою неба и земли. Он богат, и хвала Его в Нем Самом" (Сура IV).

"Помните вы царя, который спорил с Авраамом о Боге, давшем царство? Мой Бог, – сказал Авраам, – Тот, который дает жизнь и смерть. – Это я, – отвечал нечестивец, – даю жизнь и смерть. – Но мой Бог, – прибавил Авраам, – поднимает солнце с востока, – подними его с запада! – Неверный остался в смущении, ибо Всемогущий не просвещает развратных" (Сура II, 260).

"Бог низводит дождь с небес, и сухая земля становится плодородною, – не знак ли это для понимающих?" (Сура XVI, 67).

"Если бы во Вселенной было много богов, ее разрушение было бы близко" (Сура XXI, 11).

"Мы внушили тебе принять веру Авраама, который был благочестив и не принадлежал к идолопоклонникам" (Сура XVI, 124).

"Он начало и конец, Он явный и сокрытый, знание Его обнимает все существующее" (Сура LVII, 3).

Хотя Бог является Мухаммеду преимущественно со стороны своего бесконечного величия как Бог силы, как всемогущий Вседержитель, этим не устраняются и другие существенные для религии стороны в понятии Божества. В VI Суре Аллах называется *Богом истины,* а в XVII читаем: "Призывайте Бога или призывайте Милосердного: эти два имени одинаково прекрасны". С чувством подавляющего величия Божия у Мухаммеда соединялось ясное понятие о нравственном характере Божества, о Его правде и милосердии. Свою проповедь он начинает: "Во имя Бога милосердного, милостивого" *(бисм Иллах эр-рахман эр-рахим),* и первая вступительная Сура есть чисто библейское славословие: "Хвала Богу, Владыке миров, милосердному, милостивому, царю Судного дня. Поклоняемся Тебе, Господи, и молим Тебя о помощи. Направь нас на стезю спасения, на стезю тех, кому Ты умножил благодеяния Твои, кто не заслужил гнева Твоего и сохранился от заблуждения".

Единством Божиим логически требуется единство человечества, связанного с Богом, то есть единство истинной религии для всех народов. Открыть истину одним и скрыть ее от

других было бы противно правде и милосердию Божию. Отсюда уже явствует, что Мухаммед не мог смотреть на Коран как на безусловно новое откровение. Человечество, единое по происхождению, имело с самого начала одну истинную веру. “Бог всех вас создал из одного человека, и из него же Он образовал женщину, чтобы быть подругой ему” (Сура VII, 189). “Первоначально все люди имели одну веру. Потом они предались религиозным спорам” (Сура X, 20).

Когда вследствие этих споров у разных народов возникли различные заблуждения и ложные религии, Бог каждому народу посылал пророка из среды его для возвращения заблуждающихся к единой истине. “Все народы имели посланников (Божиих), судивших их по правде” (там же). “Всякому народу посылали Мы посланников, проповедовавших единого Бога и отвращавших от тагута (идола). Некоторые открыли глаза для света, другие судом Божиим остались в ослеплении” (Сура XVI, 38).

Мухаммед решительно отклоняет от себя притязание быть основателем или первым провозвестником мусульманской религии: “Ислам, – говорит он, – есть религия Ноя, Авраама, Моисея, Иисуса” (Сура XLII, 11). “Скажи: мы верим в Бога, в то, что Он послал нам, что Он открыл Аврааму, Измаилу, Исааку, Иакову и двенадцати коленам, мы верим в священные книги, полученные с неба Моисеем, Иисусом и пророками, мы не полагаем между ними никакого различия – мы Ему предали себя” (Сура III, 78).

Это единство и древность ислама заставляют Мухаммеда осуждать всякую религиозную исключительность и требовать *одинакового* признания всех исторически различных проявлений истинной религии. “Те, – говорит он, – которые, восставая против Бога и посланников Его, полагают между ними различие, веря одному и отвергая другого, *создают себе произвольную веру*. Это неверные, которые будут наказаны. Но те, которые веруют в Бога и посланников Его *безразлично,* будут награждены” (Сура IV, 149 – 150).

Такое безразличие, относящееся, собственно, к единой и истинной сущности всех монотеистических религий и к общему для всех их провозвестников факту божественного посланничества, не мешает Мухаммеду относиться к ним неодинаково с других точек зрения. Прежде всего, совершенно особенное значение должен был иметь для него отец всех верующих, Авраам. Его традиционным именем освящалась, с одной стороны, та национально-религиозная почва, на которой возник ислам, а с другой стороны, это имя связывало новую религию с прочими современными Мухаммеду “народами

писаний", то есть христианами, иудеями, сабиями.

Если бы Мухаммед, намереваясь дать арабам религию, имел в виду не истину, а укрепление их национальной особенности, то он должен бы был выставить на первый план не Авраама, а традиционного родоначальника своих соплеменников – Измаила, представить его пророком, посланным специально для арабов, а самого себя – восстановителем религии Измаила. Но хотя Мухаммед ограничивал – особенно сначала – свое посланничество одними арабами, считая себя имеющим поручение от Бога именно к этому народу, однако самое поручение это состояло не в том, чтобы укреплять арабскую национальность и утверждать особое для этого народа исключительно предназначенное духовное начало, а в том, чтобы проповедовать арабам истину единобожия. А традиционным представителем этой истины в древности был не Измаил, а Авраам. Авраам не был национальным пророком, он не был послан специально к арабам; они почитали его вместе с другими народами – с иудеями и христианами. Выставляя ислам как религию Авраама, Мухаммед надеялся сделать свою проповедь убедительной и принятие ее нравственно обязательным для добросовестных последователей Моисея и Христа. Он надеялся согласить монотеистические религии между собою, возвращая их к их общему источнику. Если иудеи и христиане, думал он, искренно одобряют веру Авраама и считают его родоначальником своей религии, то они должны принять и его, Мухаммедову, проповедь, так как он проповедует им эту самую Авраамову веру и ничего более. "Авраам не был, – читаем в Коране, – ни иудей, ни христианин, – он был правоверный, мусульманин, поклонник единого Бога. Ближе всех к Аврааму те, которые следуют ему и этому посланнику (Мухаммеду) и веруют, как он: Бог глава верующих" (Сура III, 60 – 61).

Тут уже Авраам не ставится в ряду прочих пророков, и его религия не признается одной из безразлично равных форм монотеизма, а выставляется как безусловная *норма* для других монотеистических религий. Это еще настойчивее подчеркивается в Суре второй, данной также в Медине, как и третья: "Евреи и христиане говорят: примите нашу веру, если хотите встать на пути спасения. – Отвечай им: мы следуем вере Авраама, который отказался кадить идолам и поклонялся только единому Богу. – Скажите: мы веруем в Бога, в книгу (откровение), нам посланную, в то, что было открыто Аврааму, Измаилу, Исааку, Иакову и родоначальникам двенадцати колен. Мы верим учению Моисея, Иисуса и пророков; мы не делаем между ними никакого различия, и мы Ему (Аллаху) себя предаем. Если христиане и евреи имеют

ту же веру, они находятся на том же пути; если уклоняются от него, то произведут с тобою раздор, но Бог даст тебе силу бороться с ними, потому что Он слышит и понимает все. Наша вера от Бога, и мы ей верны. Кому как не Богу давать людям религии? – Скажи им: станете ли вы спорить с нами о Боге? Он Владыка и ваш, и наш. У нас наши дела, у вас – ваши, *но вера наша чиста.* Скажете ли вы, что Авраам, Измаил, Исаак, Иаков и родоначальники колен Израилевых были иудеи и христиане?" (Сура II, 129 – 134).

Выражения: "наша вера от Бога" и "кому как не Богу давать людям религии?" вполне объясняют, в каком смысле нужно понимать признание Мухаммедом прочих откровений без всякого различия между ними. Все эти откровения происходят от Бога, но происходят *порознь,* без всякой генетической связи между собою; поэтому Коран вовсе не зависит от прежних откровений. Он согласен с ними и подтверждает их, но он, как и они, послан *прямо* с неба, от единого Бога. "Нет Бога, кроме Бога живого и вечного. Он послал тебе книгу (откровение), содержащую истину, чтобы подтвердить писания, бывшие прежде нее. Раньше нее Он ниспослал Пятикнижие и Евангелие для руководства людей. Ныне послал он просвещение" (Сура III, 1 – 2).

Идея постепенного откровения Божия соответственно процессу духовного развития человечества совершенно чужда Мухаммеду. Поэтому Мухаммед нигде не выставляет учение Корана как *высшую ступень* религиозного развития; признаваемое им превосходство этого учения, равно как и веры Авраамовой, с которой оно безусловно тождественно, состоит не в большей полноте или высшем развитии религиозной истины, а единственно только в том, что здесь эта истина остается в своей первоначальной чистоте и простоте: "наша вера *чиста".* Все пророки получали чистую веру с неба, но затем она искажалась, частью от действия злого духа, частью по вине людей: "каждый раз, как мы посылали пророков, сатана примешивал заблуждение к их учению" (Сура XXII, 51).

"Мы приняли, – говорит Аллах, – христиан в завет свой, но они забыли часть наших заповедей. Мы посеяли между ними распри и ненависть, они погаснут лишь в день воскресения. Скоро они увидят, что они сделали" (Сура V, 17).

Впрочем, помимо искажений, вносимых злобою сатаны и неверностью людей, в монотеистических религиях есть и первоначальные различия, происходящие от самого Бога. Эти различия касаются не веры, а заповедей. Вера в единого Бога и Его праведный суд одна и та же во всех откровениях, но заповеди Бог дает различным народам разные. "Бог мог соединить вас всех

в одной религии, но Он хотел испытать, будете ли вы верны различным Его заповедям” (Сура V, 53).

Поэтому Мухаммед, насколько он оставался последовательным, не требовал от иудеев и христиан принятия Корана как непременного условия спасения: они обязаны только исполнять заповеди своей религии: “Скажи: о люди Писания! у вас нет никакого основания, если вы не соблюдаете заповедей Божиих, данных в законе и Евангелии. Книга (откровение), полученная тобою от Господа твоего, увеличит ослепление многих из них; но ты не тревожься судьбою неверных. Верные иудеи, сабии и христиане, верующие в Бога и в последний день, и добродетельно живущие, будут избавлены от страха и мучений” (там же, 72 – 73).

Глава VI. Взгляд Мухаммеда на самого себя

Несмотря на испытанное им в “благословенную ночь” и на дальнейшие случаи вдохновения и экстаза, повторявшиеся с ним более или менее сильно и явственно при возвещении других глав Корана, Мухаммед никогда не приписывал себе сверхчеловеческого достоинства и настаивал только на истине получаемых им свыше откровений, не подтверждая их никакими знамениями и прорицаниями.

“Мухаммед только посланник Божий; другие посланники ему предшествовали. Если бы он умер или был убит, неужели вы покинете его учение? Ваше отступление повредило бы не Богу, а вам самим” (Сура III, 138).

В Суре IV находим следующее заявление об ограниченности знания у Мухаммеда: “Мы открыли тебе часть нашего посланничества; есть другая, относительно которой мы оставили тебя в неведении” “Служение посланного состоит только в проповедовании” (Сура V).

“Я не говорил вам, что обладаю небесным сокровищем, что знаю тайны или что я – ангел. Я проповедовал только то, что мне открыто” (Сура VI, 50).

“Если бы будущее было мне открыто, я собрал бы себе сокровища и обезопасил бы себя от всяких ударов судьбы. Но я только человек, обязанный возвещать верующим угрозы и обетования Божии” (Сура VII, 1881).

“Я не могу ничего изменить, – пишу только то, что получил через откровение” (Сура VII, 16).

“Если бы какая-нибудь моя заповедь, – говорил Аллах Мухаммеду, – вышла у тебя из памяти, или если бы у тебя требовали, чтобы ты открыл сокровища или чтобы тебя сопровождали ангелы, – не огорчайся. Твое служение только в проповедовании. Управление всем существующим принадлежит Богу” (Сура XI, 15).

“Скажи: я такой же человек, как вы. Я только получил откровение, что Бог ваш есть Бог единый” (Сура XVIII, 110).

“И прежде тебя, – говорит Аллах, – мы посылали вдохновенных мужей, – спросите у людей Писания. Мы не давали им призрачных тел; они не оставались вечно на земле” (Сура XXI, 7 – 8).

“Ты не был с Моисеем на западной стороне горы, когда мы возложили на него наше поручение. Ты не был в числе

свидетелей... Ты не был на склоне горы Синай, когда мы призвали Моисея. Но божественное милосердие избрало тебя проповедовать народу, у которого не было прежде посланных, чтобы он открыл глаза для света" (Сура XXVIII, 44 – 46).

"Скажи: я не первый из посланных. Я не знаю, что будет со мною и с вами. Я следую тому, что мне открыто. Мне поручено только проповедовать" (Сура XLVI, 8).

Так как "люди писаний" были мусульманами прежде Корана (Сура XXVIII, 53), то миссия Мухаммеда к ним прямо не относится; он послан к арабам, не имевшим откровения прежде него: "прежде тебя мы не посылали им ни книги, ни апостолов" (Сура XXXIV, 43).

Коран есть писание для арабов; он не отменяет Пятикнижия и Евангелия для получивших эти книги, но он заменяет их для арабов. Религиозный закон остается прежний для народов, получивших писания; и на земле, и в последний день каждый из них судится своим пророком и по своей книге.

"Христиане пусть судят по Евангелию; кто не судит сообразно тому, что ниспослал Аллах, поступает превратно" (Сура V, 51).

"Из каждого народа мы воздвигнем в этот (последний) день свидетеля, чтобы свидетельствовать против него: ты будешь свидетельствовать против этих (то есть арабов)" (Сура XVI, 91).

"Покинем ли мы наших богов, – говорят они, ради безумного поэта? Тот, кого они так называют, просвещенный светом истины, пришел подтвердить посланничество пророков. А вы – вы испытываете жестокую казнь – воздаяние праведное за ваши дела" (Сура XXXVII, 36).

Глава VII. Первые возражения, встреченные Мухаммедом

Уверенность Мухаммеда в открывшейся ему религиозной истине единого, живого и праведного Бога и в своем призвании возвещать эту истину соплеменникам, погруженным в неведение и нечестие, – эта уверенность могла только укрепляться от тех возражений, которые ему пришлось услышать от этих своих соплеменников. Все такие возражения имели совершенно внешний характер и к существу дела совсем не относились. Вот самое сильное из них: “Когда убеждают неверных принять откровение Божие, они возражают: *мы следуем вере наших отцов.* – Должны ли они ей следовать, – справедливо замечает Мухаммед, – если отцы их ходили во тьме неведения и заблуждения?” (Сура II, 165).

А что отцы действительно заблуждались, – это Мухаммед подтверждает указанием на безнравственные обычаи у арабов, освящавшиеся верой отцов, в особенности на принесение в жертву детей и на закапывание в землю новорожденных дочерей.

“Бог не может повелевать преступлений. Скажи: Бог повелевает мне правду” (Сура VII, 27 – 28).

Это заявление, сделанное в Мекке, выражает основное религиозное настроение Мухаммеда и указывает на внутреннюю raison d'etre[7] мусульманства.

Аргумент “от веры отцов”, вероятно, часто выставлялся против Мухаммеда, так как он неоднократно возвращается к нему в Коране. Так, в Суре XLIII, 22 – 23: “Каждый раз, как наши служители (говорит Аллах), проповедовали истинную веру в каком-нибудь городе, старейшины народа держали им одну и ту же речь: мы следуем вере наших отцов. Скажи: как! Даже если я приношу вам веру более правую, чем вера ваших отцов? Но они говорили: “мы не верим твоему посланничеству”.

Так как ответ Мухаммеда, что отцам должно следовать не во всем, а только в хорошем, был в своем общем внутреннем смысле мало доступен толпе, то Мухаммед дает ему другую, более конкретную и внушительную форму: напоминающую евангельское: *вы отца вашего диавола есте:* “Когда убеждаешь их принять религию, посланную Богом с неба, они говорят: мы следует богопочитанию наших отцов. *Не последуют ли они и за сатаной, когда он позовет их в вечный огонь?”* (Сура XXXI, 20).

Другие столь же естественные, но еще более слабые и существу дела чуждые аргументы, противопоставлявшиеся

Мухаммеду его неверующими соотечественниками (аргументы, также известные нам из Евангелия), состояли в требовании чудес для подверждения божественной миссии и в указании на внешнюю незначительность проповедника. Такие аргументы не могли затруднить Мухаммеда. На требование чудес он отвечает: “Прежние пророки творили чудеса, *а* неверующие их все-таки убили” (Сура III, 180).

“Чудеса во власти Божией, но Он их не совершает потому, что, и видя их, вы остались бы в неверии... Если бы мы ангелов с неба послали, и мертвые говорили им, и мы собрали бы перед ними все чудеса, – не поверили бы” (Сура VI, 109,111).

“Если бы Коран двигал горы, разделял землю пополам и заставлял говорить мертвых, – они не поверили бы” (Сура XIII, 30).

“Неверные сказали: мы не поверим твоему посланничеству, если ты не вызовешь из земли источника живой воды, или ручья среди сада, или если ты не опустишь свода небесного и не покажешь нам открыто Бога и ангелов, или не построишь золотого дома, или не взойдешь на небо по лестнице. Да и тогда не поверим, если не пришлешь с неба книгу, которую мы могли бы читать. Скажи: “Хвала всевышнему! я только человек, посланный к вам!” (Сура XVII, 93 – 96).

“Если бы они видели свод небесный, обрушивающийся на их головы, они сказали бы: “это скученные облака” (Сура LII, 44).

Для самого Мухаммеда, если не для его невежественных противников, более всего убедительна судьба прежних проповедников истины и народов, отвергавших их.

“И прежде тебя смеялись над Нашими служителями, но вышло худо для смеявшихся” (Сура XXI, 42).

“Каждый народ отвергал посланничество посланного к нему: все народы погибли один за другим. Они называли Наших служителей обманщиками, и они погибали” (Сура XXIII, 46).

“Они обвиняют Ислам во лжи, – они услышат новость, над которой не будут смеяться” (Сура XXVI, 5).

“Когда они слышат божественное учение, они говорят: это простой человек. Он хочет отвратить нас от веры отцов. Коран – это ложные выдумки, басни. Ослепленные нечестием, они называют ложью истину, которая блещет пред их глазами... Народы, бывшие прежде них, обвиняли в обмане посланников веры, но не получили и десятой доли того, что было им назначено. Они называли обманщиками посланных Моих, но как ужасно было Мое мщение!” (Сура XXXIV, 42, 44).

Были некогда в Аравии два идолопоклоннические народа – Темуд и Ад. “Служители веры проповедовали им поклонение

единому Богу. Они отвечали: “если бы Он хотел нас просветить, Он послал бы нам ангелов” (Сура XLI, 13). Темуд и Ад погибли бесследно.

Особенно поучительным для Мухаммеда представляется пример фараона, противившегося Моисею. “Египетские волхвы, убежденные чудесами Моисея, сказали: “мы веруем во Всевышнего, Бога Моисея и Аарона”. – Фараон сказал: “разве вы можете верить без моего позволения?” (Сура XXVI, 45 – 48).

“Пусть Моисей будет казнен смертью, – сказал царь, – я боюсь, чтобы он не заставил народ мой переменить религию и чтобы он не разорил моего государства” (Сура XL, 27).

“Разве я не заслуживаю предпочтения (говорит фараон) перед низким обманщиком? Он едва умеет говорить. Украшен ли он золотыми браслетами? Сопровождают ли его полчища ангелов?” Фараон обвинял своих подданных в легкомыслии, и они послушались его; потому что были нечестивы. Преступления их вызвали гнев небесный, и они были поглощены водами. Наказание их будет служить примером для потомства” (Сура XLIII, 51 – 56).

“Старейшины народа отвечали Ною (когда он им проповедовал единого Бога): “Ты такой же человек, как мы; подлая чернь последовала за тобою без рассуждения. У тебя нет никаких заслуг, которые возвышали бы тебя над нами. Мы считаем тебя обманщиком” (Сура XI, 29).

Непримиримые противники Мухаммеда ставили ему в укор даже то, что он проповедовал на общепонятном арабском языке. В своем кратком ответе Мухаммед удачно характеризует подобные возражения: “Если бы мы изложили Коран на языке неведомом, они закричали бы: “почему он не изложен ясно” (Сура XLI, 44).

Глава VIII. Учение Корана о предопределении и свободе. – Вера и добрые дела

Неодолимое упорство противников Мухаммеда в отвержении истины, возвещаемой им по повелению Божию, – упорство, плохо прикрываемое явно недобросовестными аргументами, естественно навело Мухаммеда на мысль, что эти его противники, так же как и предшественники их среди других племен, отвергавшие прежних пророков, делали это не по неразумию, а по злой воле, что все они – люди бесповоротно осужденные, предопределенные к погибели. Этот взгляд неоднократно высказывался в Коране и занял, как известно, видное положение в последующем мусульманском богословии. Не правы, однако, те историки (между прочим, и такой объективный критик ислама, как Август Мюллер), которые приписывают Мухаммеду нелепый и богохульный догмат о *предопределении ко злу,* то есть, что Бог *по произволу Своему* предназначил одним быть добрыми и спастись, а другим – быть злыми и погибнуть. Такой взгляд можно находить в отдельных изречениях Корана только вследствие неспособности Мухаммеда к точному и раздельному выражению отвлеченных идей. Но если у него не было связной и последовательной богословской системы, то у него нельзя отнять живого религиозного сознания, открывавшего ему Бога истины, Бога праведного и милосердного. Если не логическая мысль, то сердечное чувство и истинное благочестие препятствовали Мухаммеду представлять Бога несправедливым. Поэтому его вера в предопределение погибающих требует другого объяснения, основания для которого мы находим в том же Коране. Нужно различать две мысли: 1) Люди упорствуют в неверии потому, что они *произвольно* осуждены Богом на бесповоротную злобу и погибель, – этой мысли Мухаммед нигде прямо не высказывал и, на наш взгляд, *не мог* высказывать; и 2) когда люди непредолимо упорствуют в неверии – это значит, что они осуждены на гибель *всеведующим* Богом, Который, зная, что они, в глубине души своей, бесповоротно предпочли зло добру, не заботится более об их спасении, а, напротив, для своих провиденциальных целей ожесточает еще более сердце их (все равно уже ожесточенное и погибшее), как Он ожесточил сердце фараона, чтобы Моисей прославился великими знамениями. Такова Мухаммедова мысль о предопределении, основанном не на произволе Божием, а на

Его всеведении и вседейственности, на которые много раз и с особым ударением указывается в Коране.

“Бог держит в руках Своих ключи сокровенного. Он один его знает. Он знает все, что на земле и в глубине моря. Лист с дерева не падет без Его ведения. Нет зернышка на земле, которое не было бы записано в книге очевидности” (Сура VI, 59).

“Все написано в книге очевидности” (Сура XI, 8).

“Бог знает, что женщина носит в утробе своей, насколько ее uterus[8] сжимается или расширяется. Все взвешено перед Ним” (Сура XIII, 9).

То, что делает человек, делает не он, а Бог через него: “не вы их убили (врагов ислама), они пали под мечом Всемогущего. Не ты, Мухаммед, напал на них, а Бог, чтобы показать верный знак своего покровительства. Он знает и слышит все”.

Но если все будущее, так же как настоящее и прошедшее, написано в книге очевидности, то есть дано во всеведении Божием, и если все, что совершается, даже внешние дела самого человека, всецело зависят от Божественного всемогущества и, собственно, им совершаются, – этим еще свобода человека не упраздняется, а только вводится в пределы чисто внутреннего, нравственного отношения его к Богу. Сделать какое-нибудь внешнее дело, произвести какую-нибудь реальную перемену в предопределенном от Бога ходе вещей человек сам по себе не может, но быть добрым или злым, принять или отвергнуть предлагаемый ему закон Божий, оставаться верным этому закону или отступить от него, – одним словом, быть в сердце своем с Богом или против Бога – это зависит от самого человека. Что неверные были истреблены мусульманами – это было дело Всемогущего, но что одни были верными, а другие неверными – это зависело от них самих.

Отношение Бога к творению, требующее внутренней свободы этого последнего, указано в следующем замечательном тексте Суры XXXIII, 72: “Мы предложили (говорит Аллах) истинную веру небесам, земле, горам, – они не посмели принять ее. Они трепетали перед этим бременем. Человек принял его и стал неправедным и бессмысленным”.

Конечно, совместность предопределения и свободы, даже при ограничении этой последней одним внутренним нравственным отношением человека к Богу, представляет большие теоретические трудности; но Мухаммед не был философом, и от него нельзя требовать не только разрешения, но и понимания этих трудностей. А все, что требуется для элементарного религиозно-нравственного уравновешения этих двух противоположных начал, дано в Коране.

Все существующее происходит от Бога; без Него человек не может совершить ничего положительного; во всех своих нормальных действиях он пользуется помощью Божией; отдельно от Бога он не производит ничего существующего, а только извращает таковое.

“Человек окружен ангелами, которые непрерывно сменяются. Бог поручил им хранить его. Он отнимает свою благодать только тогда, когда человек извратил себя” (Сура XIII, 120).

Это извращение человеком себя нимало не изменяет не только мирового порядка, но и хода человеческой истории.

“Всякий народ имеет свой назначенный предел; он не может ни ускорить, ни отсрочить его” (Сура X, 50).

“Всякая книга (то есть всякое откровение) имеет свое назначенное время” (Сура XIII, 38).

От человека зависит только его личная судьба: если он верит и исполняет заповеди Божии, он спасается и в будущей жизни пользуется бесконечными наслаждениями; если не верит и не исполняет повеленное ему, осуждает себя на погибель в вечном огне. Для практических задач религии этого, конечно, достаточно. В Коране встречаются, впрочем, как бы слабые намеки и на более возвышенные мотивы для веры и праведной жизни. Указывается мимоходом на то, что только жизнь в Боге есть истинное существование, а все остальное только призрак.

“Все, что есть на земле, пройдет; только лик Божий пребудет вечно. Слава и величие окружают его” (Сура LV, 27).

“Жизнь человеческая есть обманчивое наслаждение” (Сура III, 182).

“Жизнь мира – легкая игра. Истинная жизнь только в вечных обителях. Если б они это знали!” (Сура XXIX, 64).

“Эта жизнь – пустая игра, но вера и страх Господень будут иметь свою награду”.

Вера есть именно то, что связывает человека с истинной жизнью; только веруя в Бога, человек уверен и в своей собственной жизни, которая сама по себе, без этой веры, есть игралище всяких случайностей и жертва всяких враждебных сил. Для религиозного сознания это имеет не только теоретический, но, главным образом, практический смысл. С особенной яркостью и живостью это выражается в двух заключительных Сурах Корана: CXIII и CXIV, которые хронологически принадлежат к самым ранним вдохновениям Мухаммеда в Мекке.

“Скажи: я предаюсь верой моей Богу утра, чтобы он избавил меня от зол, осаждающих человечество; от влияний луны, покрытой мраком; от колдовства тех, что дуют на узлы, и от черных замыслов завистника”.

“Скажи: я предаюсь верой моей Господу людей, Царю людей, чтобы Он избавил меня от искушений сатаны, который вдыхает зло в сердце, и чтобы он защитил меня от козней джиннов и злодеев”.

Коран различает две степени веры: первая, низшая, которую, собственно, нельзя называть верой, хотя и она имеет свою цену, состоит в признании единого Бога и внешнем повиновении Его посланному; вторая, высшая ступень, состоит во всецелой преданности Богу и святому делу (то есть делу установления и распространения единобожия).

“Арабы говорят: “мы веруем”. Отвечай им: “вы не веруете; говорите лучше: мы исповедуем ислам. Вера еще не проникла в сердца ваши. Но если вы повинуетесь Богу и посланному Им, ваши дела не потеряют цены своей. Господь снисходителен и милосерд”.

“Истинно верные, – это те, которые безо всякого сомнения верят Богу и посланному Им и жертвуют для святого дела своей жизнью и богатствами” (Сура XLIX, 14,15).

Мы нигде не находим в Коране признания отвлеченной, чисто теоретической веры: Мухаммед никогда не отделяет веру от дел веры. Но, признавая в вере разные степени, он допускает соответственные степени и в делах веры. Совершенная вера выражается на деле в полном самопожертвовании; низшая степень веры довольствуется и меньшими делами – исполнением необходимых предписаний религии и нравственности. Только это последнее обязательно для всех. А о такой мнимой вере, которая не выражается ни в каких добрых делах, в Коране даже не упоминается. Мухаммед всегда стоит на нераздельной религиозно-этической точке зрения. Это совершенно понятно, ибо необходимо связано с самой идеей о Боге. Так как Бог не есть только вседержительная неведомая *сила,* аимеет определенное свойство, или характер, так как Он, по существу Своему, есть Бог Праведный, Милосердный и Святой (то есть чисто духовный), то и закон Божий состоит не из произвольных и непонятных требований и предписаний, а имеет определенный этический характер, – из нравственных свойств “Бога людей” вытекают для верующего человека и определенные нравственные заповеди. Для верующих Бог не есть неопределенная величина, они всегда знают, чего хочет от них Бог, что Ему приятно и что неприятно. И точно так же неверный всегда нарушает и религиозную, и нравственную заповеди, оскорбляя вместе и Бога, и ближнего! “он *не уверовал в Бога Великого, он не позаботился о пище бедного”* (Сура LXIX, 33, 34).

“Он говорит: “Господь пренебрегает мною”. – Нет! Но вы

презираете сироту. Вы не спешите насытить бедного. Вы с жадностью пожираете наследства. Вы страстно любите богатства" (Сура LXXXIX, 17 – 21).

"Справедливость – сестра благочестия. – Бог обещает милосердие Свое и славную награду тем, кто с верой соединяет заслугу добрых дел".

Бог отнимает благословение Свое от лихоимства и изливает его на милостыню. Он ненавидит неверных и нечестивых. Но верующие, которые будут делать добро, совершать молитву и творить милостыню, будут иметь награду свою у Бога, – они будут избавлены от страха и казни" (Сура II, 277).

"Если вашему должнику трудно заплатить, дайте ему срок, а если хотите сделать еще лучше, отпустите ему долг его. О, если бы вы знали!" (там же, 280).

"Бог взыщет с каждого лишь по силам его. Всякий будет иметь за себя свои добрые дела и против себя содеянное им зло". Но, выставляя этот общий принцип, Коран постоянно возвращается к идее милосердия Божия, например, в следующей молитве, выражающей также нераздельность религиозно-нравственного настроения Мухаммеда.

"Господи! не карай нас за грехи забвения. Прости нам грехи наши. Не налагай на нас бремя отцов наших. Не обременяй нас сверх сил" наших. Яви слугам Твоим прощение и снисхождение. Сжалься над нами: Ты покровитель наш" (там же, 286).

Религиозно-этическому характеру Мухаммедовой проповеди противоречат, по-видимому, такие изречения:"Идолопоклонство хуже убийства" (там же) – "Опасность изменить истинной вере хуже убийства" (там же, 187) – "Бог не простит многобожия. Он отпускает по воле Своей все другие преступления; но многобожие больше всех беззаконий" (Сура IV, 116). Не нужно, однако, забывать, что языческий культ действительно находился в теснейшей связи с делами гораздо худшими простого убийства (принесение в жертву детей, безмерный разврат), так что и эта беспощадность Мухаммеда имела не исключительно религиозное, а религиозно-нравственное основание.

Главное дело веры относительно Бога есть молитва, относительно ближнего – милостыня, относительно собственной своей природы – воздержание, или пост. Мухаммед не только по личному чувству находил в молитве единственное настоящее наслаждение, но он видел в ней дело величайшей важности.

"Когда служитель Божий остановился, чтобы молиться, джинны столпились кругом него, чтобы его слушать" (Сура LXXII, 19).

Милостыня в исламе также не есть только внешнее

предписание, а представляется как выражение истинного религиозно-нравственного настроения относительно ближнего, – такого настроения, которое определяется не формальной справедливостью, а милосердием, которое побуждает давать другому даром и не воздавать злом за зло.

“Мы кормим вас ради одного Бога. Мы не ищем от вас ни награды, ни благодарности” (Сура LXXVI, 9).

“Если вы мстите за себя, пусть мщение не превышает обиды; *но кто перенесет терпеливо, будет лучше для него: итак, переносите терпеливо обиды”* (Сура XVI, 128).

Воздержание предписывается Кораном не в смысле умерщвления плоти, а лишь в смысле умеренности для сохранения чистоты душевной и нравственной свободы.

Из этих трех основных религиозно-нравственных заповедей важнее всех для человека средняя: милосердное отношение к ближним. Возношение души к *невидимому* Богу трудно для людей материальных; так же тяжело им сопротивляться влечениям низшей природы и соблюдать воздержание; но быть милосердным одинаково способно всякое нравственное существо; быть добрым или злым зависит от внутренней сущности самого человека. Поэтому читаем в Коране: “Знаешь ли, что есть *вершина* (добродетели)? Выкупить пленного, накормить в дни голода сироту ближнего и нищего безвестного” (Сура XC, 12 – 15).

Глава IX. Учение о будущей жизни

Мы видели, что, по Корану, Бог предложил человечеству – через своих пророков и посланных – истинную веру, и человечество приняло это предложение. Тем самым устанавливается между Богом и людьми завет или договор, по которому человек обещает сохранять веру в единого Бога и исполнять Его заповеди, а Бог обещает верному человеку вечное блаженство. Нарушение этого договора невозможно со стороны Бога истины и правды, нарушение же его со стороны человека вредит только ему самому.

“Если вы будете неверны, то Бог все-таки останется Владыкой неба и земли. Он богат и хвала Его в Нем Самом” (Сура IV, 130).

“Сектанты много спорили, но горе тому, кто не верит в собрание великого дня” (Сура XIX, 38).

Учение об откровении в смысле завета или договора между Богом и человеком необходимо восполняется учением о последнем суде, как реализации этого договора. “День великого собрания” занимает очень важное место в Коране. Это один из главных догматов.

“Проповедуй Коран боящимся. *Возвещай им, что они будут собраны перед Вечным,* что у них нет другого защитника и покровителя, дабы они ходили с опасением” (Сура VI, 51).

“Кто хочет, пусть верует, а кто не хочет, пусть остается неверующим. Для этих у нас (у Бога) готов огонь... А кто верует и творит добрые дела, их награда не погибнет. Для них – сады Эдема” (Сура XVIII, 28 – 30).

После “дня великого собрания” “преграда воздвигнется между избранными и осужденными” (Сура VII, 44).

Вместо “избранные” и “осужденные” в Коране можно встретить другие термины: “мусульмане” и “неверные”, но основанные на этом упреки в фанатизме и религиозной исключительности были бы несправедливы – по крайней мере относительно самого Мухаммеда и его откровения. Конечно, и по Мухаммеду, спасутся только последователи ислама, но мы знаем решительное заявление того же Корана, что ислам был прежде Мухаммеда, что Авраам и все держащиеся веры Авраамовой – истинные мусульмане. К таким принадлежат и иудеи, и христиане, исполняющие закон своих писаний; если они окажутся правыми по закону своему, то также получат вечную жизнь. С другой стороны, люди, только наружно принимающие Коран, но в душе враждебные или равнодушные к нему, так называемые лицемеры или “трусы” *(элъмунафикун),* не суть настоящие

мусульмане и не получат части своей с избранными. Таким образом, согласно основной точке зрения Мухаммеда, окончательная судьба человека определяется не исключительно религиозным и религиозно-нравственным условием; эта судьба решится не произволом Высшей силы и не фактом исповедания той или другой религии, а внутренним отношением человека к добру и злу, действительным принятием закона Божия со стороны человека. Вот главные относящиеся сюда тексты Корана:

“Добродетельный человек и злой работают каждый за себя. Бог никому не сделает неправды” (Сура XLI, 46).

“До Него (Бога), конечно, не доходит ни мясо, ни кровь жертв, но благочестие ваше доходит до Него” (Сура XXII, 38).

“Те, кто веровал и делал добрые дела, будут введены в сады, где текут реки, обитель вечных наслаждений. Они найдут там чистых женщин и вечную тень. Бог велит вам отдавать всякому залог его и судить ближнего по правде” (Сура IV, 60, 61).

“Не все, получившие писание (иудеи и христиане), похожи друг на друга. Есть между ними такие, у которых сердце прямое. Они размышляют о заповедях Божиих ночью и повинуются Ему. Они веруют в Бога и в последний день. Они проповедуют добро и осуждают зло. Они ревностно преданы делам благочестия. Эти принадлежат к праведным. Добро, что они делают, не отнимется у них. Знает Бог боящихся Его” (Сура III, 109 – 111).

“Скажи: возвестить ли мне вещи более приятные, приготовленные для благочестивых, сады, орошенные реками, вечную жизнь, чистых супруг (гурий) и благосклонность Господа, Его же око отверсто на служителей Его. Таков удел тех, которые говорят: “Господи, мы поверили, прости нам грехи наши и избавь нас от мучений огня”; – тех, которые были терпеливы, благотворительны и которые с утра умоляли милосердие Божие” (там же 13 – 15).

“Мудры те, которые послушны заповедям Господним, не нарушают союза с Ним и соединяют то, что Ему угодно было соединить. *Тот, кого надежда увидеть Бога делает постоянным в бедствиях,* кто совершает молитву, кто дает тайно или открыто часть имения, которым Мы наделили его, и заглаживает грехи свои добрыми делами, для того награда рая…”

“Кто нарушает завет Божий, разделяет то, что Он соединил, и распространяет разврат по земле, будет, обремененный проклятием, низвергнут в ад” (Сура XIII, 19 – 22, 25).

“Верующие, *творившие добро,* будут обитать в кущах райских садов” (Сура XLII, 21).

Учение Корана о будущей жизни подвергалось обыкновенно двоякому упреку: за утилитаризм, поскольку оно поощряет веру и

праведность яркими картинами будущих наград, и за сенсуализм, поскольку оно представляет сами эти награды в виде чувственных наслаждений. Оба эти упрека несправедливы. Во всех религиях лучшие люди нравственны из любви к добру и из отвращения к злу, а люди низшего разряда держатся нравственных правил по внешним соображениям. Идеал мусульманина – человек, который, подобно Мухаммеду, может сказать про себя: я отдал сердце мое Богу, и который находит в общении с Богом единственное истинное наслаждение, и в Коране заявляется, что праведные добродетельны бескорыстны ради одного Бога (см. выше).

Что касается до вошедшего в поговорку сенсуализма Мухаммедова рая, то он заключается более в способе изображения будущей жизни, нежели в понятии о ней. Принцип этой жизни есть все-таки и для Мухаммеда непосредственное общение с Богом (см. подчеркнутые места в вышеприведенных текстах). Но, веруя вместе с ортодоксальным иудейством и христианством не в отвлеченное бессмертие души, а в воскресение целого человека, ислам, естественно, должен был и будущую по воскресении жизнь представлять как полноту бытия не только духовного, но и телесного. А то или другое представление конкретной обстановки этого бытия, конечно, не имеет принципиального и догматического значения. Если для верующего иудея или для христианина из иудеев, тоскующего по разрушенном Иерусалиме, царство Божие представляется как идеальный город, как Иерусалим, сходящий с небес, то для окруженного пустыней араба столь же естественно место вечного блаженства рисуется как сад, напоенный реками. Не следует, впрочем, забывать и библейское представление о земном рае как о саде, омываемом четырьмя реками. О грубо чувственных наслаждениях будущей жизни в Коране ничего определенного не говорится: ни из чего не видно, чтобы “чистые супруги” с большими глазами были предназначены для физиологических отношений.

Для Мухаммеда, так же как и для христианских мистиков, занимавшихся этим предметом, например, для Сведенборга, – вечная жизнь есть действительное общение с Богом, непрерывно осуществляемое во внутренних состояниях и в конкретных ощутительных образах. Прежде чем осуждать эту идею, подождем, чтобы нам дали по этому предмету другую, лучшую. Таково было в главных чертах учение Мухаммеда о Боге и Его свойствах, о Его откровениях, о заповедях Божиих, о судьбе злых и добрых, о воскресении и будущей жизни. Это учение было весьма неполно, но в нем не было ничего ложного, а

сравнительно с национальной религией арабов оно представляло огромный успех религиозного сознания. Выступая с этой проповедью в своем родном городе, Мухаммед исполнял две обязанности: обязанность послушания относительно Бога, сказавшего ему: “проповедуй!” – и обязанность милосердия к ближним, стараясь словом откровения вывести их из тьмы заблуждений и злых дел.

Глава X. Первая проповедь, первые преследования и обращения

Семья Мухаммеда со включением усыновленных им Алия и Зейда, безусловно, поверила его призванию. По началам родового быта Аравии между отдельной семьей и целым племенем или родом (в широком смысле этого слова) корейшитов были промежуточные родовые звенья, из коих первым для Мухаммеда был дом Хашимов, то есть все потомки прадеда Мухаммедова Хашима. Итак, Мухаммеду, желавшему правильно действовать в народе своем, предстояло обратиться прежде всего к этим родным своим, ко всем сынам Хашимовым. Он пригласил их на собрание и объявил о своем посланничестве. Все пришли в удивление и негодование, ибо ожидали сообщения о каком-нибудь серьезном коммерческом или разбойничьем деле. Один из дядьев Мухаммеда, Абу-Лахаб, выразил общее мнение, закричавши: “Чтоб тебе удавиться! Так за этим-то ты созывал нас?” Все разошлись со смехом и ругательствами. Сын этого самого Абу-Лахаба был уже помолвлен с дочерью Мухаммеда, Рокайей, но теперь старик, серьезно сочтя своего племянника и предположенного свата сумасшедшим, взял назад свое согласие. Но Рокайя, отличавшаяся красотой, скоро нашла себе другого жениха – Османа Ибн-Аффана из знатного семейства Омайядов. Осман, породнившись с Мухаммедом, стал вместе с тем ревностным последователем ислама и был потом третьим преемником пророка. Еще прежде приобрел Мухаммед для себя и ислама своего будущего первого преемника Эль-Атика, по прозванию Абу-Бекр, который во все время его общественной деятельности был его главной опорой. Абу-Бекр, которого отношение к Мухаммеду можно сравнить соотношением Меланхонта к Лютеру, был человек кроткий, мягкий, невозмутимо спокойный, сговорчивый в вопросах чисто практических и непоколебимо твердый в главном деле.

Отвергнутый своей родней Мухаммед стал проповедовать публично. Его проповедь, в особенности его нападения на национальных идолов, служивших связью племен и санкцией торговых перемирий, была неприятной для корейшитской знати и могла казаться ей опасной. Но долгое время Мухаммеда не трогали, боясь междоусобий, ибо дом Хашимов, хотя отверг его проповедь, не отказался, однако, от обязанностей родства; особенно же ревностным защитником его был всеми уважаемый в Мекке дядя его, Абу-Талиб, который не верил в его

посланничество, но был сильно привязан к нему лично.

За первые годы Мухаммедовой проповеди насчитывают 43 последователя ислама, большей частью из бедняков и рабов. Эти последние, естественно, стали из-за Мухаммеда подвергаться всяческим насилиям от своих господ. Тогда богатый Абу-Бекр употребил значительную часть своего состояния на выкуп этих рабов – мусульман; те же, которых господа не соглашались уступить, получили от Мухаммеда, по совету того же Абу-Бекра, разрешение отречься наружно от нового пророка, сохраняя в сердце веру в ислам.

Обращения в ислам продолжались понемногу (хотя и не ежедневно, как говорит арабский летописец), и каждый новый прозелит давал повод для новых преследований. На этой первичной стадии своего развития ислам, еще не организованный и не принявший никакой твердой формы, являлся, главным образом, как общая противоположность единобожия идолопоклонству и от прежнего ханифизма отличался не содержанием своим, а только тем, что имел личного представителя, личного посредника между Аллахом и людьми. В таком неопределившемся внутреннем состоянии и при обострившейся внешней вражде с идолопоклонниками Мухаммед и его последователи, естественно, чувствовали себя солидарными со всеми монотеистами и в особенности с христианами, которых религия не была связана с национальностью. К этому времени относятся, по всей вероятности, те места Корана, в которых Мухаммед не только с уважением, но и с благоговением говорит о Христе и Его Матери. Так, в Суре V (Стол) читаем: “После пророков Мы послали Марию и Иисуса, чтобы подтвердить Пятикнижие. Мы дали ему Евангелие, которое есть светоч веры и печать истины древних писаний. Эта книга просвещает и наставляет боящихся Господа”.

Сура XIX (Мария) специально восхваляет Пресвятую Деву: “Прославляй Марию в Коране, прославляй день, когда она удалилась от семейства своего к Востоку”.

“Пой хвалу Марии, сохранившей девство свое неприкосновенным. Мы вдохнули в нее Духа Нашего. Она и Сын Ее были дивом Вселенной” (Сура XXI, Пророки).

“Иисус, сын Марии, есть посланник Всевышнего и Слово Его. Бог ниспослал Его в Марию. Он – дыхание Божие” (Сура IV, Женщины).

В той же IV Суре Мухаммед утверждает, что Иисус не был умерщвлен, а прямо взят на небо, и в день всеобщего воскресения будет свидетельствовать против недостойных иудеев и христиан. Таким образом, представление Мухаммеда о Христе соединяет

две противоположные идеи, воспринятые им от различных христианских сект и ничем не связанные между собою. Вместе с эвионитами (иудействующими христианами) Мухаммед признает Христа за великого пророка в ряду других пророков и вместе с гностиками-докетами видит в Нем особое небесное существо, не подлежащее даже закону смерти.

При таком отношении Мухаммеда к христианству неудивительно, что некоторые его последователи, когда усилились гонения, решили искать убежища в той христианской стране, которая и этнографически, и политически стояла всего ближе к арабам Мекки, именно в Абиссинии. В 615 году 11 мусульман отправились через Красное море под покровительство негуса Аксум-ского. Положение Мухаммеда в Мекке от этого не улучшилось, и в минуту душевного упадка он решился идти на сделку и попытаться примирить истину единобожия с языческим культом его родины. Ведь “люди писания” все признают, кроме единого Бога, высшие существа, называемые ангелами. Христиане сверх того считают своего пророка Сыном Божиим и воздают религиозное почитание Его Матери и множеству духов умерших святых; нельзя ли признать и национальные божества арабов-идолопоклонников за что-то среднее между Богом и людьми, за ангелов Аллаха и ходатаев перед Ним? Вдохновленный этой мыслью, которую он потом признал за внушение сатаны, Мухаммед произнес однажды около Каабы следующее изречение: “Думали ли вы, как должно, об Аллат, и Узза, и Манат, о третьей между ними? Воистину это небесные лебеди, воистину можно положиться на их ходатайство”. Аллат, Узза и Манат были женские божества из наиболее чтимых арабами. Мекканцы, враждовавшие против Мухаммеда не за его поклонение Аллаху (который тоже имел свое место в Каабе), а за его нападение на прочих богов, с радостью приветствовали перемену в его настроении и, собравшись вокруг него, слушали все, что он далее говорил; а когда он закончил свою проповедь возгласом: “итак, преклонитесь перед Аллахом и служите Ему!” – все присутствовавшие пали на колена и благословляли имя Аллаха. Молва о примирении между Мухаммедом и корейшитами дошла до мусульман, поселившихся в Абиссинии, и побудила их вернуться на родину. Но когда они возвратились, то положение дел опять переменилось. Архангел Гавриил, или собственная совесть Мухаммеда, заставил его отречься от допущенной сделки. Убедившись, что она была внушена ему сатаною, он на том же месте у Каабы провозгласил свое отречение: “Думали ли вы, как должно, об Аллат, и Узза, и Манат, о третьей между ними? Как? У вас самих было бы мужеское потомство, а у Него (Аллаха) только

женское? Вот был бы неподобающий дележ!” Впоследствии Мухаммед так говорил об этом случае:

“Чуть было неверные не заставили тебя (говорит Аллах Мухаммеду) покинуть Наше учение и выдумать нечто другое от Нашего Имени. Уступчивостью своею ты купил бы дружбу их. Когда бы Мы не утвердили сердце твое, близок ты был, близок к тому, чтобы исполнить желание их. Если бы последовал ты им, немощь жизни и смерти испытал бы ты и гнева Нашего не избежал бы ты” (Сура XVII, 76 – 78).

Разумеется, разочарование мекканцев вследствие этого отречения усилило преследования против мусульман. В 617 году последовало второе, более обширное переселение в Абиссинию: туда отправились 83 мужчины и 18 женщин, во главе переселенцев был Осман со своею женой, дочерью Мухаммеда. Корейшиты потребовали от негуса их выдачи, но получили отказ. Большая часть этих переселенцев впоследствии вернулась обратно.

Чтобы отнять у Мухаммеда последнюю опору, корейшиты обратились к Абу-Талибу, требуя, чтобы он образумил своего племянника. На увещевания дяди Мухаммед отвечал: “Если бы они давали мне солнце в правую руку и месяц в левую с тем, чтобы я оставил это дело прежде, чем Бог даст ему победу или я погибну за него – не оставил бы его”. Сказавши это, он хотел уйти, но Абу-Талиб удержал его, говоря: “Проповедуй все, что хочешь, сын брата моего! Я ни за что никогда не покину тебя”.

Однажды Мухаммед сидел на площади, недалеко от Каабы. Один из главных противников ислама между корейшитскою знатью, прозванный мусульманами Абу Джахль, то есть отец невежества, подошел к нему и стал осыпать его насмешками и ругательствами. Мухаммед не отвечал ни слова. В это время дядя его, Хамза, не принадлежавший к мусульманам, человек огромного роста и силы, возвращался с охоты. Не стерпевши обиды племяннику, он подбежал к Абу Джахлю и, ударив его луком по лицу, так, что потекла кровь, закричал: “Ты смеешь ругаться ему, когда и я той же веры и исповедую то же, что и он исповедует. Возврати мне мой удар, если смеешь!”. Тот не решился на единоборство и сделался с тех пор ревностным мусульманином. Около этого же времени обратился в ислам Омар Ибн-Хаттаб, будущий халиф, покоритель Египта и Сирии.

Глава XI. Новые преследования и личные несчастья Мухаммеда. – Расширение горизонта

Эти новые успехи ислама, придавая смелости Мухаммеду и его приверженцам, еще более ожесточили его противников. В 617 году корейшиты уговорились между собой прервать всякие сношения с мусульманами, не допускать их к Каабе, ничего им не продавать и не покупать у них. Поставленные вне общего закона, последователи Мухаммеда должны были запереться в отдаленном от городского центра квартале, где находился дом Абу-Талиба, вследствие чего вся эта местность называлась оврагом Талиба.

Мухаммеду пришлось поневоле расширить свою проповедь, перенести ее из запертой для него Мекки в другие места. В течение четырех мирных месяцев, кроме большой ярмарки в Мекке, бывали также многолюдные торжища в Мине, Указе и других местечках Хиджаза. Мухаммед отправлялся туда и проповедовал ислам. Хотя эта проповедь была безуспешна, главным образом вследствие противодействия корейшитов, зорко следивших за опасным человеком, однако важно было, что новая религия стала известна вне Мекки и что провозвестник ее вышел из пределов узкой местной деятельности. Он должен был остаться на этом новом пути и тогда, когда корейшиты (в 619 году) отменили свой уговор против мусульман и согласились принять их опять в общение, – ибо условием для этого они поставили, чтобы Мухаммед не проповедовал в Мекке. Таким образом, ослепленные враги сами толкали ненавистного им пророка на более широкое поприще деятельности и вынуждали его к осуществлению замысла, рокового для защищаемых ими преданий и порядков.

Между тем и личные обстоятельства Мухаммедовой жизни побуждали его разорвать с Меккой или, по крайней мере, облегчали для его чувства этот разрыв. В 619 году скончалась Хадиджа, а через несколько недель после нее и Абу-Талиб. Сердечная связь Мухаммеда с родовой арабской стариной, с традиционной жизнью родного города была порвана. Консервативная Мекка представлялась для него только врагами, а его приверженцы, уже испытанные гонениями, чужие в своем городе вследствие вражды сограждан, готовы были вместе с вождем своим принять за отечество всякую страну, дававшую убежище исламу.

Такого убежища Мухаммед пробовал сначала искать по соседству с Меккой. В ста верстах от нее находился укрепленный город Таиф, принадлежавший бену-такифам, которые входили в состав большого племени Бену-Хавазин. Туда отправился Мухаммед сам-друг с приемным сыном своим Зейдом. Проповедь ислама имела здесь самый печальный успех: один из слушателей сказал: “Если бы Бог захотел нас обратить к Себе, Он, конечно, выбрал бы не тебя для этого дела”. Другой иронически заметил: “Во всяком случае, нам с тобой разговаривать не приходится. Ибо если ты действительно посланник Божий, то как смеем мы, простые смертные, оспаривать твою священную особу; если же ты не то, за что выдаешь себя, значит, ты – обманщик и не стоишь того, чтобы тебе отвечать”. От таких слов жители Таифа скоро перешли к соответственным действиям. Мухаммеду и Зейду пришлось бежать от побоев враждебной толпы.

Окровавленные, спрятались они в саду, принадлежавшему двум братьям из Мекки, Отба и Шейба, которые сжалились над земляками, оставили их у себя переночевать и прислали им для подкрепления блюдо винограду. На обратном пути, в местечке Нахла, Мухаммед, во время ночной молитвы, видел несметную толпу джиннов, которые слушали его слова и вместе с ним поклонялись Аллаху. Ободренный этим в постигшей его неудаче, Мухаммед вернулся домой и своим невольным бездействием воспользовался, чтобы обдумать план дальнейших действий, ожидая первого благоприятного случая для начала его осуществления. Впоследствии Мухаммед заявил себя таким искусным политиком, что никак нельзя сомневаться в преднамеренном и обдуманном характере и первых его шагов на этом поприще. Потерпев неудачу в соседних с Меккой чисто арабских местностях, он, естественно, должен был подумать о том городе (известном ему и по его путешествиям, и по семейным преданиям), в котором монотеистический еврейский элемент мирно уживался с арабским язычеством и не мог не оказывать серьезного влияния на верования и понятия туземцев. Если Мухаммед решил продолжать свою проповедь, то он должен был теперь попытать успеха в Ятрибе (Медине) – более удобного места для восприятия ислама он не мог найти во всей Аравии. Случай завязать сношения всего легче мог представиться во время великого весеннего праздника, когда и из Ятриба приходило в Мекку множество богомольцев. Мухаммед не откладывал дела и в первый же (по возвращении его из Таифа) праздник, в марте 620 года, успешно начал приводить в исполнение свой план.

Глава XII. Первые ансары. – Хиджра. – Договоры

Праздничные торжества, начинавшиеся у Каабы, заканчивались соборным жертвоприношением в долине Мина. Между этой долиной и Меккой была горная дорога, называвшаяся Акаба. По этой дороге в последние дни праздника двигались огромные толпы богомольцев. Находившийся между ними Мухаммед заметил группу людей племени Хазрадж – одного из двух главных племен, населявших Ятриб; притом Бену-Хазрадж в последнее время находились в формальном союзе с ятрибски-ми евреями. От них они много раз слыхали – и при теперешних своих дружеских сношениях, и при прежних враждебных столкновениях, – что Бог воздвигнет великого пророка, чтобы утвердить истинную веру и сокрушить язычество. Такие речи, при уважении и доверии арабов к "людям писания", производили на них сильное впечатление. Вероятно, Мухаммед прислушался к разговору этих арабов и заметил в них особое религиозное настроение. Он подошел к ним и, осведомившись об их происхождении, спросил: "Вы из тех, что в союзе с иудеями?" Получивши утвердительный ответ, он попросил их сесть в стороне от дороги, за скалою, и выслушать его. Они охотно согласились, и он стал проповедовать единого, истинного Бога и возвестил им ислам. Тогда они стали говорить между собою: "Как перед Богом, товарищи! не это ли тот самый пророк, о котором сказывали нам иудеи, что время его уже близко и что когда он восстанет, они пойдут за ним и побьют всех враждебных им арабов и истребят их, как были истреблены в древности неверные племена Ад и Ирам? Не лучше ли теперь нам предупредить их и первыми пристать к пророку?" И, обращаясь к Мухаммеду, они сказали: "Земляки наши – самые сварливые и разрозненные из всех народов, и потому мы уже хотели покинуть их. Но вот, быть может, истинный Бог соединит нас всех через тебя. Поэтому мы вернемся в город наш и положим дело твое перед глазами соплеменников наших, и вложим в уши их веру эту, которую приняли от тебя. И если истинный Бог в соединении приведет их к тебе, не будет человека во всей земле сильнее тебя". Затем они оставили посланника Божия и возвратились в место свое, исполненные веры и верности. А на будущий год они обещали вернуться в то же время и на то же место и привести других. Было же их всего шесть человек.

Они сдержали обещание, и на следующий, 621 год, в конце

праздника пришли к Акабе двенадцать человек уверовавших из Ятриба, десять из племени Хазрадж и два из племени Аус. Они торжественно принимают ислам и приносят Мухаммеду клятву (так называемую малую, или *клятву женщин*), которою обязуются: не признавать другого Бога, кроме Единого, не воровать, не прелюбодействовать, не умерщвлять своих детей, не сочинять и не распространять клеветы и быть послушными посланнику Божию во всяком добром деле. Приняв от них эту клятву, Мухаммед сказал: “Если вы все это исполните, то рай принадлежит вам наверно; если же в чем согрешите, то от Бога зависит, наказать вас или помиловать”. Затем Мухаммед отрядил с ними из прежних мусульман испытанного в вере Мусаба, сына Омейрова, чтобы наставлять их в Коране и предстоять на общей молитве.

Вскоре после этого Мухаммед имел ночное видение не во сне, и не наяву, а в восхищении духа. Неведомая сила, которую он признавал за архангела Гавриила, подняла его с ложа и вывела из дома. Он увидел волшебного коня эль-Борак (молния) и, сев на него, в одно мгновение очутился в Иерусалиме, около дома молитвы. Здесь находит он сонм пророков и среди них Авраама, Моисея и Иисуса Христа. Он молится вместе с ними. Затем ему подносят три чаши: одну с водой (по другому варианту – с медом), другую – с вином и третью – с молоком. Он слышит чей-то голос, говорящий: “Если он возьмет воду, то потонет вместе с общиной своей; если возьмет вино, то будет блуждать с общиной своей; если возьмет молоко, то пойдет правым путем с общиной своей”. Мухаммед выбирает чашу с молоком. После того он проходит через семь небес и достигает лицезрения Самого Бога, от которого получает для мусульман заповедь пятидесяти ежедневных молитв. Но на обратном пути у ворот каждого неба он встречает одного из великих пророков, который внушает ему, что мусульмане не вынесут такого большого числа молитв и чтобы он просил Бога сократить их. Он так и делает, и при выходе из последнего неба число молитв сводится к тем пяти, которые установлены в Коране. По возвращении к себе Мухаммед находит, что тот сосуд с водой, который он в начале видения опрокинул, вставая с ложа, еще не успел весь вытечь на землю.

На другой день Мухаммед рассказал свое видение правоверным, но так как он сам не мог дать ясного отчета в характере явления, то многие мусульмане пришли сначала в недоумение, однако скоро успокоились на простом решении, которое высказал Абу-Бекр: “как он говорит, так, значит, и было”. За это Мухаммед дал ему прозвание Эс-сиддик – свидетель правды.

Между тем, Мосаб Ибн-Омейр и двенадцать ятрибских мусульман делали свое дело, и на праздник 622 года пришло в Мекку из Ятриба уже 75 обращенных в ислам. Мухаммед и его близкие сошлись с ними в той же Акабе. Кроме мусульман сопровождал Мухаммеда дядя его эль-Аббас (родоначальник одной из будущих династий халифата), который не принял новой веры, но и не враждовал против нее, как и умерший брат его, Абу-Талиб, хотя и по другим причинам: тот имел сердечную привязанность к племяннику, тогда как Аббас, отличавшийся дипломатическими способностями и практическим чутьем, сообразил, что из дела, поднятого Мухаммедом, начинает что-то выходить, и что нет выгоды с ним ссориться и сжигать свои корабли. Между тем и Мухаммед нуждался в Аббасе, как в одном из старейшин своего рода, чтобы дать своему решительному шагу законную форму, с точки зрения арабов. Аббас заявил собранию, что его племянник Мухаммед находился до сих пор под защитой своего рода, но что теперь он предпочитает защиту людей ятрибских, и что он, Аббас, от имени рода Хашимова и Мутталибова спрашивает присутствующих людей из племен Хазраджа и Ауса, желают ли они принять Мухаммеда к себе как одного из своих; и когда ятрибские мусульмане громко выразили свое согласие, Аббас объявил Мухаммеда отпущенным и свободным от обязанностей к своему роду. Тогда Мухаммед, в свою очередь, потребовал от ятрибцев, чтобы они поклялись, что будут защищать его от всякой обиды хотя бы оружием, как они защищают своих жен и детей. После этой клятвы, которую называют великой, или *клятвой мужей,* Мухаммед избрал 12 человек – 9 из Хазраджей и 3 из Аусов – для управления ятрибской общиной и для дальнейшей проповеди ислама.

Очень скоро после этого собрания большинство мекканских мусульман, с Омаром во главе, переселились в Ятриб. При Мухаммеде, откладывавшем по неизвестной причине свой переезд, оставались только Абу-Бекр и Али. Но когда стало известно, что корейшиты собираются силой задержать пророка и пошли даже слухи о заговоре против его жизни, пришлось принять меры к скорому и тайному бегству. Абу-Бекр купил двух верблюдов и с надежным проводником отправил их в условленное место по южной дороге, где было меньше опасности преследования. В назначенную ночь Али надел красный плащ пророка и остался в его доме, а Мухаммед с Абу-Бекром тайными проходами вышли из города по направлению к югу, безлюдными тропинками прошли к горе Таура и спрятались в одной пещере, куда домашние Абу-Бекра приносили им в течение трех дней съестные припасы. На четвертую ночь они вышли из пещеры и

пробрались к тому месту, где ждал их проводник с верблюдами. Мухаммед сел на верблюдицу Аль-Касва, Абу-Бекр – на другого верблюда, и они окружным путем, избегая большой караванной дороги, через восемь дней достигли ятрибского пригорода Коба, откуда Мухаммед, восторженно приветствуемый мекканскими “переселенцами” (могаджирами) и ятрибскими “союзниками” (ансарами), торжественно вступил в город, ставший с тех пор городом пророка (Мединет-наби, или просто Медина) и остановился в доме одного из Бену-Хазраджей – Абу-Эйюба, пока ему не построили (в следующем году) двух особых домов (для двух его жен) и рядом с ними особое здание для молитвенных собраний – первую мусульманскую мечеть.

Вскоре по прибытии в Ятриб Мухаммед дал своей общине писаный устав, окончательно выделявший ее из арабского язычества с его родовым бытом и племенными делениями и полагавший основание мусульманству как религиозно-общественному и политическому строю. По этому уставу, все верующие как из корейшитов, так и из ятрибских жителей, переселенцы и союзники (могаджиры и ансары), составляют один нераздельный и равноправный народ. Нет более разделения на племена, а есть только противоположение между правоверными и неверными. Между правоверными не должно быть никаких раздоров, и старые племенные и родовые счеты должны быть забыты. – Кровная месть между родами, принявшими ислам, отменяется. – Правоверные должны защищать друг друга оружием против всякого нападения. – Решение всех спорных вопросов должно быть предоставлено Богу и Мухаммеду.

Из общей массы неверных, естественно, были выделены ятрибские арабы, еще не принявшие ислама, но не противодействовавшие ему, а также иудеи этого города. И в тех, и в других Мухаммед видел ближайших кандидатов на мусульманство, что относительно арабов и оправдалось через некоторое время. И с теми, и с другими был заключен договор. Язычники Ятриба обязывались не вступать в мирные сношения с языческими корейшитами и их союзниками, а Мухаммед обязался не укрывать между мусульманами воровских людей от законного преследования. С евреями был заключен более тесный союз. Они обязались поддерживать дело ислама денежными взносами и в тяжебных делах между своими и мусульманами принимать решение Мухаммеда. Защита Ятриба от внешнего нападения была признана общим делом всех живущих в городе – язычников, мусульман и иудеев.

Глава XIII. Недовольство Мухаммеда против евреев. – Перемена киблы. – Повышенное самосознание

Переселение Мухаммеда из Мекки в Ятриб имело для мусульманства прежде всего то значение, какое падение Иерусалима с 70 года имело для христианства: и в том, и в другом случае обрывалась историческая пуповина, связывавшая новую религию с материнской почвой. Но насколько мусульманство было проще христианства, настолько исторический процесс его развития совершался быстрее, был короче и сосредоточеннее, и потому последние десять лет жизни Мухаммеда, от хиждры до смерти пророка, совместили для его религии совокупность перемен, которым в истории христианства соответствует все то, что произошло в почти трехвековую эпоху, от взятия Иерусалима Титом до смерти Константина Великого (70 – 337 года).

В эти десять лет (622 – 632 годы) произошло следующее: новый религиозный союз, образовавшийся вокруг Мухаммеда: 1) решительно обособился от языческих соплеменников в Мекке; 2) столь же решительно обособился от иудеев в Ятрибе; 3) сознал свое религиозное начало как высшее и окончательное откровение; 4) к религиозному своему характеру присоединил политический, организовался в гражданское общество и государство; 5) усвоил идею священной войны; 6) через успешное применение этой идеи овладел центральным святилищем арабов и занял господствующее положение во всей Аравии, и 7) переступил за пределы национально-религиозного сознания, признал за собой универсальное значение и назначение и сделал первые шаги к его осуществлению.

Мухаммед, убежденный в том, что получил непосредственное откровение от Бога, наравне с прежними “посланниками”, не чувствовал никакого побуждения (если бы даже имел возможность) изучать те древние священные книги, на которые так часто ссылался. Ятрибские евреи, с которыми ему пришлось иметь дело, не могли, конечно, стать на его точку зрения. Против его мессианского достоинства (на признание которого с их стороны он, без сомнения, рассчитывал) они с самого начала уже имели одно сильное возражение: он был араб, принадлежал к сынам Измайловым, а не к сынам Израилевым. Это препятствие еще можно было устранить с помощью какой-нибудь

фантастической родословной. Но когда эти “люди писаний” убедились в крайне поверхностном знакомстве Мухаммеда с Библией, он потерял всякое религиозное значение в их глазах, и они прямо стали смеяться над его притязаниями. Мухаммед очень скоро понял безнадежность своего положения с этой стороны и прекратил всякие попытки к сближению. Дело было для него решено. “Бог послал евреям Коран для подтверждения их писаний, но они не поверили”, – объявил он (Сура II) и, в знак совершившегося религиозного разрыва, переменил *киблу,* то есть тот пункт, к которому должны были обращать свое лицо мусульмане при молитве. До сих пор киблою был Иерусалим, теперь молящимся было предписано обращать свое лицо к Мекке. Вот как сам Мухаммед объясняет эту перемену.

“Безумный спросит: почему Мухаммед переменил место, куда обращаться при молитве? – Отвечай: “восток и запад принадлежат Господу; он ведет, кого хочет, правым путем. Мы утвердили вас срединным народом как свидетелей против остальных народов так же, как ваш посланник будет свидетелем против вас. Мы переменили место молитвенного обращения, чтобы отличить тех, которые следуют за посланником Божиим, от возвращающихся к неверию” (Сура II, 136-138).

Мухаммед с самого начала знал и заявлял, что “Ислам есть религия Бога вселенной” (Сура VI). Но теперь, после своего первого решительного успеха, он выставляет себя если не исключительным, то преимущественным провозвестником этой универсальной религии. “Скажи: о люди! воистину я послан ко всем вам от Бога, Его же царство неба и земли. Нет Бога, кроме Него” (Сура VII, 158).

“Он (Бог) изглаживает и оставляет в писаниях, что хочет. Подлинник в его руках” (Сура XIII, 13).

“Бог послал с неба самую превосходную из книг. Одно и то же учение повторяется там беспрестанно. Боящиеся Господа чувствуют дрожь при ее чтении” (Сура XXXIX, 24).

“Подлинник Корана сохраняется Богом на небе” (Сура XLIII, 3).

“Клянусь книгой очевидности! Мы послали ее тебе в благословенную ночь, чтобы научить смертных. В *ту же ночь вечная Премудрость наложила печать на свои законы.* Это Мы даем людям достоинство апостолов” (Сура XLIV, 1 – 4).

Глава XIV. Идея священной войны – Первые применения ее: битвы при Бедре и Оходе

Дело Божие должно торжествовать на земле. Оно торжествует через добровольную преданность верных и через вынужденную покорность неверных. Добрые убеждаются проповедью посланника Божия, злые принуждаются к повиновению его мечом. Когда еще до хиджры Мухаммед взял с ансаров “клятву мужей”, то есть обязательство защищать его оружием, идея священной войны была уже, очевидно, принята им. В позднейших Сурах Корана, данных в Медине, эта идея утверждается с большой настойчивостью.

“Пусть те, которые жертвуют жизнью этого мира ради будущей жизни, соберутся под знамя Господа, и, падут ли они в сражении или выйдут из него победителями, они получат славные награды” (Сура IV, 76).

“Зачем велишь ты воевать, зачем не даешь нам достигнуть конца дней наших? Отвечай: “наслаждения мира проходят, будущая жизнь есть истинное благо для боящихся Бога. Там никто не будет обманут” (там же, 79).

“Если встретите неверных, сражайтесь с ними, пока не произведете великого избиения. На пленных наложите цепи… Бог мог бы истребить их и без вашей помощи, но Он хочет испытывать вас, одних через других. О верующие! Защищайте дело Божие… Он вам поможет и утвердит шаги ваши” (Сура XLVII, 4 – 6).

“Сражайтесь с врагами вашими на войне за веру, но не нападайте первыми: Бог ненавидит нападающих. Убивайте врагов ваших везде, где найдете их; изгоняйте их оттуда, откуда они вас изгоняли. Отступничество хуже убийства. Не сражайтесь с ними у святого храма, разве только они вызовут вас. Если нападут на вас, – купайтесь в крови их. Такова награда неверных. Если покинут заблуждение свое – Господь снисходителен и милостив. Сражайтесь с врагами, доколе нечего будет бояться соблазна, – доколе не утвердится ислам. Да прекратится всякая вражда против покинувших идолов. Ваша ненависть да воспламеняется только против превратных. Если нападут на вас в священном месте, – и в священном месте воздайте им тем же” (Сура II, 186 – 190).

При всей ожесточенности тона в этом воззвании, слова:

“сражайтесь с врагами, доколе нечего будет бояться соблазна, – доколе не утвердится ислам” – ясно показывают, что священная война была для Мухаммеда религиозно-политической мерой, временно необходимой, а никак не постоянным религиозным принципом. Относительно этого не может оставаться никакого сомнения, когда через несколько стихов в той же Суре читаем: “Не делайте насилия людям из-за их веры. Путь спасения достаточно отличен от пути заблуждения”. Таким образом, и в Медине Мухаммед не изменил тому, что говорил в Мекке. “Мы знаем речи неверных. Не употребляй против них насилия” (Сура L, 44).

Цель священной войны не есть обращение неверных в ислам, а только их покорность исламу. Таким образом, противоречие здесь только кажущееся, и в учении Мухаммеда веротерпимость вполне совмещается с идеей священной войны.

Эта идея, навязанная Мухаммеду жизненной необходимостью, скоро должна была перейти в факт. Обособленный в Ятрибе и организованный ислам перестал быть только религиозным принципом, он стал уже реальной, религиозно-политической и военной силой, которая должна была показать себя на деле.

На другой год хиджры (в октябре 623 года) Мухаммед послал одного из своих могаджиров с семью товарищами к Мекке на разведку. Близ соседнего с Меккой селения Нахла они подстерегли караван, шедший с пряностями и кожами из Йемена под конвоем четырех корейшитов. Хотя уже начался ваджаб, один из четырех священных и мирных месяцев Аравии, мусульмане напали на караван, одного из конвоя убили, один убежал в Мекку, а двух они взяли в плен и привели вместе с награбленной добычей к Мухаммеду в Ятриб. Тот сначала выразил негодование на нарушение национального обычая, но через несколько времени, опираясь на принцип, что “идолопоклонство хуже, чем убийство”, примирился с совершившимся фактом и разделил между своими награбленную добычу. А через три месяца он отважился на новое, более значительное предприятие против мекканцев. От разосланных им разведчиков он узнал, что большой караван, ходивший из Мекки в Сирию под предводительством знатного между корейшитами Абу Софьяна, из дома Омайи, во главе военного отряда в 950 человек, с 700 верблюдами и 100 конями, вступил, на обратном пути, в Хиджаз с богатыми товарами на 50 тысяч динаров (300 – 400 тысяч рублей). Мухаммед решил в этот раз сам напасть на врагов: дело того стоило. Вокруг него, кроме 83 могаджиров, собралось еще ансаров 231 человек (170 из племени Хазрадж и 61 из племени

Аус) – всего 314 вооруженных людей с 70 верблюдами и двумя конями. Таким образом, силы мусульман не достигали и трети сил противников, но это численное неравенство с избытком окупалось высоким одушевлением и крепким единством в дружине пророка. Это первое военное дело мусульманства произошло в оазисе Бедр (140 верст на юго-запад от Мекки) 17 Рамазана 2-го года хиджры (13 января 624 года по Р. Х.). Битва продолжалась только несколько часов; мекканцы, потеряв около 50 человек убитыми и столько же пленными, в беспорядке бежали. Мусульмане, из которых было убито только 14, разделили добычу (одну пятую в священную казну, одного верблюда и один меч, по выбору, Мухаммеду, остальное поровну между сражавшимися) и с торжеством вернулись в Ятриб. Из пленных корейшитов Мухаммед велел убить двух своих личных врагов, прочие были оставлены для выкупа. Торжество Мухаммеда, нравственно омраченное личной местью, было омрачено и Божьим наказанием. В то время, как в Бедре он уступил чувству ненависти, в Ятрибе умерла его дочь Рокайя, жена Османа. Через несколько месяцев, чтобы утешить огорченного зятя, он отдал за него другую дочь Омм-Кольтум. Сам Мухаммед был настолько экзальтирован быстрым успехом при Бедре, который он приписывал вмешательству 3 тысяч ангелов под начальством Гавриила и Михаила, что не извлек никакого нравственного урока из смерти Рокайи, и через несколько времени по его указанию были убиты еще два человека, уже из ятрибских жителей: одна женщина, по имени Асма, и один еврей, по имени Абу Афан. Преступление обоих состояло в том, что они сочиняли и распространяли насмешливые стихи против Мухаммеда.

В то же время, вероятно, решено было покончить с евреями. Через несколько недель после битвы при Бедре, в предместье Ятриба, населенном еврейским племенем Бену-Кейнока, произошла уличная драка вследствие нападения мусульманина на еврейскую женщину; драка закончилась двойным убийством – обидчика и защитника обиженной. Мухаммед воспользовался этим случаем, чтобы объявить войну всем Бену-Кейнока. Аравийские евреи, несмотря на религиозную связь, усвоили себе дурные нравы страны и раздробились на отдельные племена, лишенные практической солидарности между собой. Поэтому опасность, угрожавшая Бену-Кейнока, нисколько не обеспокоила два других племени ятрибских евреев – Бену-Надир и Бену-Корейза. А чтобы справиться с одним племенем, у Мухаммеда уже было достаточно силы. После двухнедельной осады Бену-Кейнока, заморенные голодом, сдались и должны были выселиться из

Ятриба. Они покинули Аравию и поселились в Сирии, в местечке Адриат (на восток от Иордана). Через год та же участь постигла и другое племя, Бену-Надиров, без всякого уже повода *с* их стороны, если не считать таковым предполагаемое намерение одного еврея убить Мухаммеда, о чем сей последний узнал будто бы от архангела Гавриила в особом откровении (С остальными евреями Мухаммед покончил несколько позднее, о чем будет сказано далее).

Между тем в Мекке собирались отомстить за поражение при Бедре. Учрежден был общественный траур, который должен был продолжаться до тех пор, пока Мухаммед не будет побежден. Но сначала нужно было выкупить пленных. Это повело к долгим переговорам, но в результате операция выкупов оказалась для корейшитов гораздо выгоднее, по крайней мере в материальном отношении, чем они могли думать: многие из пленных, пораженные успехом Мухаммеда, уверовали в его посланничество и приняли ислам, так что их уже не пришлось выкупать. Мухаммед отпустил их на родину даром, взявши клятву, что они не отступят от мусульманства.

Только через год после сражения при Бедре удалось вождю корейшитов, Абу Софьяну, собрать военные силы, достаточные для того, чтобы с надеждой на успех напасть на пророка в его собственном убежище. Эти силы состояли из 3 тысяч хорошо вооруженных человек (между ними 700 в панцирях) с 3 тысячами верблюдов и 200 коней. Кроме корейшитов тут были и союзники из других племен. В огромном обозе было много женщин с музыкальными орудиями для ободрения сражающихся. Это войско подошло к Медине 5 Шавваля 3 года (24 января 625 года по Р. Х.) и остановилось в равнине, отделяющей город от горы Оход. На другой день, после некоторых колебаний и совещаний, Мухаммед решил не дожидаться осады. Он вывел за городские ворота свое маленькое войско, в котором было 700 человек его дружины (могаджиров и ансаров) и 300 человек из ятрибцев, не принявших ислама, а вошедших в оборонительный союз с мусульманами. Ночью предводитель этого вспомогательного отряда Абдаллах Ибн-убай счел более благоразумным покинуть Мухаммеда и возвратиться со своими людьми в город.

Рано утром 7 Шавваля (26 января) Мухаммед быстрым движением обошел неприятеля и занял выгодную позицию в ущелье горы Оход, повернув фронт к Медине, а тыл и правый фланг поставив под защиту высоких скал. На левом же открытом фланге он выбрал холм, с которого была видна вся равнина между горой и городом, и поставил там полсотни лучших своих стрелков, поручив им наблюдать за неприятелем, чтобы

предупредить возможный с его стороны обход. Мухаммед имел время сделать эти распоряжения, так как корейшиты, стоявшие лицом к Медине и ожидавшие нападения оттуда, когда узнали о движении Мухаммеда к северной горе, должны были повернуть фронт и передвинуть обоз. Когда они двинулись к занятому Мухаммедом ущелью, сражение началось, по арабскому обычаю, единоборствами. Затем усилия мусульман, под предводительством зятя Мухаммедова, Али, направились на священное знамя Каабы, которым они и завладели, перебив одного за другим одиннадцать сменявших друг друга знаменосцев. Когда знамя корейшитов пало, а в то же время атака одного из их вождей, Халида, против левого фланга мусульман была отбита Мухаммедовыми стрелками, мекканское войско смешалось и подалось назад. Передовой отряд мусульман прорвал ряды отступавшего неприятеля и ворвался в его обоз. Тут старые разбойничьи нравы взяли верх над новым религиозным одушевлением, и правоверные герои, как истые бедуины, бросились на богатую добычу. Их товарищи-стрелки, увидевши оборот дела, не захотели себя обидеть и, бросив свою позицию, устремились туда же на грабеж. Увидав это, тот же Халид ударил в оставшиеся без всякого прикрытия левый фланг Мухаммедовой дружины, а затем и все корейшитское войско, ободренное замешательством мусульман, перешло в наступление и стеснило их в ущелье. Сам Мухаммед был ранен камнем из пращи в лицо, а потом еще мечом в колено и упал в ров. Его подняли, покрытого кровью и грязью, и пронесли сквозь ущелье в безопасное место на скалах, куда собрались вокруг него мусульмане, уцелевшие в битве и не убежавшие в Медину. Между тем дядя Мухаммеда, Хамза, лев ислама, был убит, а с ним более 70 мусульман. Среди торжествовавших корейшитов распространился слух о смерти самого пророка. Абу Софьян въехал на своем коне в ущелье и, приблизившись на расстояние человеческого голоса к новой позиции мусульман, крикнул: “Правда ли, что Мухаммед убит?” – “Он жив и еще задаст вам”, – крикнул ему в ответ Омар. – “Ладно! через год сойдемся при Бедре” – “Да! до свидания в Бедре”.

В то время, как вождь корейшитов так благородно условливался с побежденными врагами о новом сражении, его жена Хинд совсем в другом роде поминала старое. Ее отец, Отба, был убит при Бедре упомянутым дядей Мухаммеда, Хамзой. Теперь она отыскала труп этого кровного врага, распорола ему живот и, вырвав печень, съела ее сырой. Другие женщины только отрезали у убитых мусульман носы и уши и делали себе из них ожерелья.

Глава XV. Окопная война и ее следствия

Корейшиты, потерявшие не более 30 человек убитыми, были вполне довольны одержанной победой и не намеревались ни делать облавы на засевшую в горах дружину Мухаммеда, ни нападать на Ятриб. Посвятив один день на отдых и погребение мертвых, они отправились назад в Мекку, а Мухаммед, никем не тревожимый, вернулся в Ятриб и на другой день выступил к западу, делая вид, что преследует уходящих корейшитов. Дойдя до ближайшего по дороге в Мекку селения Хамра-эль-Асад (верстах в 20 от Медины), он провел там три дня, велел зажечь сторожевые огни по окрестным скалам и затем вернулся в город.

В битве при Оходе Мухаммед показал более полководческого таланта в начале, чем личной храбрости в конце. Он упал в ров более от испуга, нежели от раны; он носил на себе двойной панцирь с налокотниками и наколенниками, так что поранивший его меч Ибн-Камия не коснулся его тела; кровь же, которую увидали на нем его сподвижники, происходила от вышибленного камнем переднего зуба. Но после ухода корейшитов уверенность в себе и политическая сообразительность вернулись к Мухаммеду в полной силе. Кроме демонстративного преследования далеко отошедших победителей, он под разными предлогами разослал несколько отрядов против бедуинов пустыни, а затем, как было сказано, обрушился на еврейское племя Бену-Надир и выгнал его из Аравии. Этим он поддержал свой престиж перед неверными, относительно же мусульман он сейчас же после битвы при Оходе воспользовался обстоятельствами этой битвы, чтобы объяснить неудачу в свою пользу. “Пока вы меня слушались, – говорил он своей дружине, – успех был на нашей стороне; но когда вы ради низкой корысти нарушили волю Божию и приказания Его посланника, справедливое наказание обрушилось на вашу голову – и враги одержали победу. Но Бог милостив и снисходителен; Он простил ваш грех и не допустил вас до конечной погибели”.

К этому нравственному утешению Мухаммед присоединил и материальное. Оставшуюся после изгнанных евреев весьма значительную поземельную собственность он разделил между своими могаджирами, которые таким образом получили оседлость и самостоятельные средства существования, тогда как до сих пор они жили за счет гостеприимства ансаров. Следовательно, и эти последние получили облегчение.

Благодаря изгнанию большинства евреев и прикреплению

могаджиров, Мухаммед сделался господином Ятриба, который с тех пор мог по праву называться его городом (Мединет-эн-наби, или просто Медина). Многие из жителей города, а также из соседних бедуинов приняли ислам, и когда через год после битвы при Оходе Мухаммед выступил к Бедру для условленной встречи с Абу-Софьяном и корейшитами, его войско состояло уже не из 700, а из полутора тысяч человек. Вместо неприятелей мусульмане нашли в Бедре мирную ярмарку и, поторговавши с выгодой, вернулись домой. Мекканцы отказались от назначенного турнира потому, что затевали нечто более важное. Не полагаясь на одни собственные силы, чтобы покончить с Мухаммедом, они решили устроить коалицию всех враждебных исламу элементов Аравии. Кроме соседних с Меккой арабских племен, давших уже свой контингент и при прежнем походе, в союз вошли три обширных племени центральной Аравии: Бену-Гатафан, Бену-Солейм и Бену-Асад, а также еврейская колония Хейбар, куда временно переселились (по пути в Сирию) изгнанные Мухаммедом из Медины Бену-Надиры. Коалицию устроил и союзными войсками предводительствовал тот же упорный враг Мухаммеда – Абу-Софьян.

В это время, повествует предание, в Медине находился один персиянин, по имени Салман, служивший некогда в персидских войсках и участвовавший во многих походах. Затем он подвергся разным бедствиям и попал в рабство к одному из жителей Медины. Принявши ислам, он получил свободу и ревностно служил Мухаммеду. Когда до Медины дошли известия о приближении большого войска корейшитов и союзников, и Мухаммед, не полагаясь на свои силы, решил уклониться от открытого боя и выдерживать осаду, этот перс Салман пришел к вождю правоверных и сообщил ему одно средство обороны, успешность которого была изведана на опыте в войнах персов с ромеями. Это средство, неведомое до того арабам, состояло во рвах и окопах, представлявших труднопреодолимое препятствие, в особенности для конницы неприятельской и для верблюдов. Мухаммед оценил практичность этого совета и поспешил распорядиться его исполнением. Скоро вся Медина кругом была обведена рвами и земляными валами. Когда в начале марта 627 года союзные войска подступили к городу, они были остановлены неожиданным и необычайным препятствием. Пришлось начать медленную войну с неприятелем, прикрытым надежной защитой. Между тем, союзники, не рассчитывавшие на такой оборот дела, не запаслись достаточным количеством провианта для людей и животных, а в то время года жатва в окрестных местностях была уже снята жителями. После напрасных попыток перейти рвы,

причем с обеих сторон пало не более 10 человек, союзники вошли в тайные переговоры с последним оставшимся в Медине еврейским племенем Бену-Корейза, склоняя их предать Мухаммеда, столь враждебно поступившего с их единоверцами, и впустить осаждающих в город. Мухаммед, узнавши об этих сношениях, подослал своих тайных агентов, которым удалось запутать и затянуть переговоры. В то же время сам он старался подкупить вождя одного из союзных с корейшитами племен, Бену-Гатафанов, чтобы склонить его отделиться от союза и увести своих людей от Медины. Хотя эта попытка и не имела успеха, но союзники, утомленные несколькими неделями напрасного стояния под городом при недостатке припасов, сняли осаду и разошлись по домам. Эта почти бескровная война осталась в летописях мусульманства с названием “окопной войны”.

По удалении союзников, первым делом Мухаммеда было отомстить евреям. Бену-Корейза, у которых было 600 человек, способных носить оружие, заперлись в своем квартале, но после двухнедельной осады сдались на капитуляцию. В прежние времена это племя находилось в особом союзе с одним из двух арабских племен в Медине, приставших к Мухаммеду, именно с племенем Аус. И теперь евреи надеялись, что старые союзники заступятся за них перед Мухаммедом и выговорят им право свободно удалиться из Медины, подобно тому, как это было сделано относительно Бену-Надиров их прежними арабскими союзниками, Хазраджами. И действительно, Мухаммед предоставил судьбу евреев на решение вождя Аусов, Саада Ибн-Моада. Но он знал, что этот вождь, смертельно раненный в окопной войне, выражал крайнее ожесточение против всех врагов ислама и, в особенности, против изменников-евреев. Когда умиравшему арабу передали полномочие пророка, он безо всякого колебания приговорил всех взрослых мужчин к смерти, а жен и детей к рабству. Этот приговор был немедленно исполнен. Около 600 евреев были перерезаны; только один перешел в мусульманство и этим избавился от смерти. Одну красивую еврейку, по имени Рейхану, принудили принять ислам, и Мухаммед взял ее в свой гарем; прочие женщины и дети были разделены между правоверными. Медина сделалась окончательно мусульманским городом.

Глава XVI. Мирный поход к Мекке и договор с корейшитами. – Первые шаги за пределы Аравии

В начале весны 628 года Мухаммед имел вещий сон. Ему снилось, что он совершил священное хождение в Мекку и что ему передали ключи от Каабы. Он объявил об этом сне своим верным и повелел им снаряжаться в благочестивый поход; из оружия нужно было брать только мечи.

Первого числа месяца Зуль-каада Мухаммед, во главе полутора тысяч мусульман из Медины и из соседнего племени Бену-Аслам, двинулся в Мекку И беспрепятственно достиг местечка Осфан, в 70 верстах от священного города. Тут он узнал, что корейшиты, несмотря на наступление месяца священного мира, вооружились, собрали союзников и выступили против него. Свернув вбок и обойдя передовые разъезды неприятеля, Мухаммед с другой стороны подошел к границе священной территории и остановился в местности Ходейбия. Он послал зятя своего, Османа, для переговоров; за пропуск к Каабе он предлагал безопасность мекканским караванам на неопределенно долгий срок. Осман не возвращался три дня, и мусульмане поймали нескольких мекканцев, чтобы иметь заложников. Мухаммед выбрал большое дерево и собрал вокруг него всю свою дружину. Он сидел под деревом, а каждый из правоверных подходил и ударял с ним по рукам в новое подтверждение неизменной верности. В это время вернулся из Мекки Осман с уполномоченным от корейшитов Согейлем Ибн-Амром. Он принес Мухаммеду предложение отсрочить до будущего года вход свой в Мекку и поклонение Каабе. Ревнители ислама, с Омаром во главе, горячо восстали против такого унизительного предложения, но Мухаммед решил его принять. Согласились заключить письменный договор. Уполномоченный корейшитов не соглашался называть Бога так, как Он называется в Коране – Благой, Милосердный, а также не хотел титуловать Мухаммеда посланником Божиим. “Все равно, пиши, как он желает”, – сказал Мухаммед Алию, и тот, со слов Согейля, написал следующий договор:

“Во имя Твое, Аллах! Вот условия мира, который заключают Мухаммед, сын Абдаллы, и Согейль, сын Амра. Они сошлись на том, чтобы между их сторонами не было войны десять лет и чтобы это время всякому, и с той, и с другой стороны, иметь

взаимную безопасность и мир. Притом, если кто от стороны Корейша перейдет к Мухаммеду без согласия тех, кто имеет над ним законную власть, то должен быть выдан, а если кто от стороны Мухаммеда перейдет к Корейшу, того не выдавать. К тому же быть между нами истинной честности и никакой потаенной вражды и коварства чтобы не было. Притом, если кто из других племен захочет войти в завет и союз с тобой, Мухаммедом, волен это делать, и кто захочет войти в завет и союз с нами, сынами Корейша, вольно и ему. И еще: должен ты, Мухаммед, в этом году, не входя к нам в Мекку, очистить нашу местность. А когда пройдет год, мы перед прибытием твоим очистим город на три дня, и вольно войти тебе и дружине твоей и оставаться три дня, и быть вам в походном вооружении, с мечами в ножнах, а другого оружия тебе не иметь".

Когда договор был подписан и корейшитское посольство удалилось, Мухаммед велел своей дружине совершить заключительные обряды хаджа (жертвенное заклание баранов, подстрижение волос) и затем тронуться в обратный путь. Услышав, как Омар порицал Мухаммеда за малодушие, Абу Бекр внушительно сказал ему: "Держись крепче за его стремя, ибо он – посланник Божий".

Мухаммед подписал договор, конечно, не с тем, чтобы его исполнять; ему нужно было собраться с силами, чтобы нанести решительный удар "идолопоклонникам Мекки". А пока он решил покончить с иудеями в Аравии, как уже покончил с ними в Медине. В апреле того же 628 года он выступил со своей дружиной в том же приблизительно числе, как и для священного похода, но с более полным вооружением, против еврейских поселений на север от Медины: Хейбар, Вадил-Кора, Фадак и Тейма. Евреи не вышли в поле и засели в крепких башнях. После нескольких недель осады они стали сдаваться, отряд за отрядом. Они должны были отдать победителям все свое имущество, а сами с женами и детьми получили свободный пропуск. При взятии Хейбара одна еврейка, по имени Зейнаб, у которой все родные были перебиты мусульманами, задумала отомстить. Притворившись расположенной к принятию ислама, она принесла в дар Мухаммеду зарезанного барана, смазавши его сильным ядом. Мухаммед, собиравшийся ужинать с несколькими гостями, велел подать этого барана к своему столу. Взявши в рот кусок, он почувствовал дурной вкус и выплюнул; один из гостей, успевший проглотить, умер на месте. Но и Мухаммед не отделался даром. Он заболел, и с тех пор, как сам говорил, никогда уже не чувствовал себя вполне здоровым. Свою последнюю болезнь и смерть он приписывал действию того же яда.

Между тем, договор, заключенный в Ходейбии, оказывался более выгодным для Мухаммеда, чем думали ревнители ислама. Соседнее с Меккой племя Бену-Хозаа, – то самое, которое некогда отняло у корейшитов Каабу, а потом было принуждено опять возвратить ее, – воспользовалось соответствующей статьей договора, открыто стало на сторону Мухаммеда и вступило с ним в союз. А статья о выдаче перебежчиков, по-видимому предоставлявшая корейшитам несправедливое преимущество перед Мухаммедом, была отменена по требованию самой привилегированной стороны, которой пришлось плохо от этой привилегии. Один буйный мекканец, по имени Абу-Басир, из племени Такифов, но находившийся под защитой дома Зохра, за слишком ярое проповедование ислама был заперт своим патроном в темницу. Вырвавшись оттуда, он прибежал в Медину, к Мухаммеду. Дом Зохра, на основании договора, потребовал его выдачи. Мухаммед исполнил требование; но Абу-Басир дорогой убежал и, набрав шайку таких же беглецов из Мекки, недовольных корейшитской плутократией, засел с этой шайкой (числом в 70 человек) близ большой хиджазской дороги и стал разбивать все мекканские караваны. Корейшиты обратились к Мухаммеду с просьбой, чтобы статья о выдаче была исключена и чтобы он принимал к себе всех беглецов из Мекки.

Весной 629 года Мухаммед с 2 тысячами спутников отправился в Мекку. Все вооруженные корейшиты при его приближении вышли из города и стали лагерем в окрестных горах. С оставшимися жителями Мухаммед вступил в дружеские сношения, после того как он и его спутники торжественно совершили все священные обряды. Дядя его Аббас принял его в своем доме и предложил ему в жены свою овдовевшую невестку Меймуну. Мухаммед хотел остаться в Мекке и после условленных трех дней, чтобы отпраздновать новую свадьбу, но корейшиты потребовали точного исполнения договора. Мухаммед оставил Мекку, приобретя себе новых приверженцев между ее жителями, в том числе победителя при Оходе, Халида Ибн эль-Валида.

Вероятно, в этом же году (по некоторым преданиям еще раньше) Мухаммед послал послов к императору Гераклию, к персидскому царю Хозрою Парвезу, к правителю Сирии и к вассалу Византии, царьку сирийских арабов Хариту VII (из дома Гассанидов). Послы были снабжены письмами Мухаммеда, увещевавшего этих владетелей признать единого, истинного Бога и принять ислам[9]. Египетский наместник прислал Мухаммеду дружеское письмо и двух невольниц в подарок. На одной из них, по имени Мариат, Мухаммед женился, и она родила ему сына Ибрагима, который, однако, не исполнил надежд Мухаммеда

иметь мужское потомство, так как умер в младенчестве.

Со стороны Сирии Мухаммед встретил враждебный прием. Пятнадцать человек разведчиков были захвачены врасплох и перебиты гассанидскими воинами, а гонец с письмом Мухаммеда к греческому коменданту Востры был задержан на дороге и обезглавлен.

В сентябре 629 года Мухаммед послал своего приемного сына Зейда Ибн-Хариса с трехтысячным войском в Сирию. Вероятно, предполагалось иметь дело только с гассанидами, но, дойдя до южных берегов Мертвого моря, мусульмане неожиданно наткнулись на расположившиеся близ местечка Мута войска императора Гераклия, незадолго перед тем одержавшие блестящие победы над персами. По арабским известиям, очевидно преувеличенным, это войско состояло из 100 тысяч человек. Во всяком случае, превосходство сил на стороне греков было подавляющее. Тем не менее мусульмане решились на сражение. После того как их предводитель Зейд и потом заместившие его Джафар (сын Абу Тали-ба, двоюродный брат Мухаммеда) и мединец Ибн-Рахава были убиты, мусульмане обратились в бегство, но Халиду удалось их собрать, привести в порядок и совершить правильное отступление к Медине. Мухаммед запретил городским жителям смеяться над беглецами, а Халиду, уберегшего войско от окончательного истребления, он дал почетное прозвище *Божий меч.*

Обыкновенный политический прием Мухаммеда состоял в том, что, потерпевши поражение от одних врагов, он, прежде чем собраться с силами для верного отмщения, поддерживал свой престиж нападением на других, более слабых противников. Так поступил он и тут. Немедленно после поражения при Муте он посылает Амра Ибн эль-Аси (знатного корейшита, обратившегося в ислам вместе с Халидом) в поход против Гатафанов и других племен средней Аравии. Они покорились почти без сопротивления и объявили себя сторонниками Мухаммеда, который теперь несомненно стал самым могущественным властителем на всем полуострове. Видя это, мекканцы решились на последнюю попытку сопротивления.

Глава XVII. Окончательное торжество Мухаммеда

Вступившее в союз с Мухаммедом племя Бену-Хозаа, под Меккой, состояло в давней кровной вражде с соседним племенем Бену-Бекр, состоявшим в союзе с корейшитами. Между ними происходили постоянные драки. Одна такая драка вышла из-за Мухаммеда. Кто-то из Бену-Бекров, сказавший что-то оскорбительное для пророка, был избит присутствовавшими хозаитами. Его родичи пожаловались корейшитам и от некоторых из них получили совет разделаться силой с союзниками Мухаммеда, то есть нарушить Ходейбийский договор. Тогда Бену-Бекр ночью напали на отряд хозаитов и многих перерезали. Только что это стало известно в Мекке, народ восстал против воинствующих корейшитов и объявил, что не желает навлекать на себя справедливого мщения Мухаммеда. Корейшиты уступили народным требованиям, и Абу-Софьян, которого вражда к Мухаммеду за последние годы совсем укротилась, был послан в Медину для мирных переговоров. Мухаммед, разумеется, не поддался этим увещеваниям и немедленно по отъезде Абу-Софьяна выступил со всеми силами мусульман и новых союзников – более 10 тысяч человек – против Мекки. На дороге он встретил многих мекканцев, переходивших на его сторону и принимавших ислам. Таким образом присоединился к нему окончательно и старый дядя его, Аббас.

В январе 630 года мусульманское войско стало лагерем около Марр-эз-Захран, в 9 верстах к северо-западу от Мекки. Корейшиты послали к Мухаммеду опять Абу-Софьяна для переговоров. На другой день он принял ислам, а Мухаммед со своим войском беспрепятственно вступил в священный город. По новому договору, жители Мекки признавали верховную власть Мухаммеда и предоставляли в его распоряжение свои вооруженные силы; за это они получали равное с мединцами право на военную добычу. Большинство тут же приняло ислам. Мухаммед семь раз объехал Каабу на своей верблюдице Эль-Касва, семь раз дотронулся своим посохом до священного камня, велел уничтожить всех идолов вокруг святилища, затем во имя Божие торжественно подтвердил все права Мекки и ее территории, но вместе с тем объявил равенство всех людей перед Богом и одинаковую для всех обязанность подчиняться законам ислама. В заключение он предписал мекканцам истребить идолов и у себя в домах. Язычники, на опыте убедившиеся в бессилии

своих богов, охотно исполнили это повеление.

Тем не менее Мухаммед не располагал перенести в Мекку свое местопребывание. Он решительно объявил своим мединским сподвижникам: “я хочу и жить, и умереть вместе с вами”, и уже собирался в обратный путь к Медине, как пришло известие, что на него поднимаются новые силы. Могущественный союз бедуинских племен, носивших общее название Эль-Хавазин и занимавших обширную территорию, простиравшуюся из глубины Среднеаравийской пустыни до границ мекканской области, включая соседний с Меккой город Таиф, выставил огромное для тех мест и времени войско в 20 тысяч человек, которое под начальством Малика Ибн-Ауфа уже стояло около Таифа. Мухаммед, увеличив свои силы на 2 тысячи новых мусульман-мекканцев, выступил навстречу неприятелю, который также двинулся вперед, ведя за собой свой обоз с женами, детьми и множеством скота. Между враждебными войсками находилась глубокая долина Хонейн. Малик, оказавшийся недурным полководцем, успел занять боковые ущелья конными отрядами, и, когда мусульмане вошли в долину, они были охвачены неприятелем с обоих флангов. Мусульманское войско состояло из трех главных отделов: подчиненные Мухаммеду бедуинские племена, мекканцы и старые мусульмане, или мединская дружина. Бедуины, по обычаям пустыни считавшие поспешное бегство такой же важной и почтенной частью военного искусства, как и успешное нападение, немедленно показали тыл; мекканцы, приведенные этим в замешательство, последовали их примеру, а затем общая паника охватила и мединцев. Мухаммеду, которого чуть было не отрезали неприятели, удалось громкими криками: “сюда, люди дерева!” (то есть клявшиеся под деревом в Ходейбии) остановить бегство своей дружины и собрать ее вокруг себя. Когда вернулись и прочие части войска, неприятель был вытеснен из Хонейнской долины; одно из племен, Бену-Такифы, которым принадлежал город Таиф, ушли под защиту его укреплений, покинув союзников. Прочие пытались защищать свой лагерь у местечка Эль-Атуас, что значит печь. “Печь разгорается жарко”, – сказал Мухаммед. После упорного боя Хавазины бросили лагерь и бежали в Таиф; 6 тысяч женщин и детей, 24 тысячи верблюдов, несчетное множество овец, коз и всякого добра досталось мусульманам. Мухаммед раздал большую часть добычи мекканцам, и, когда обиженная этим его дружина выражала свое неудовольствие, он сказал: “Неужели вы недовольны тем, что эти (мекканцы) погонят к себе овец и верблюдов, а вы, ансары, поведете с собой посланника Божия? Клянусь Тем, в Чьих руках душа Мухаммеда! Если бы я мог

выбирать, где родиться, я родился бы между ансарами. И если бы весь свет пошел на одну сторону, а ансары на другую, я оставил бы весь свет и пошел с ансарами. Боже! будь милостив к ансарам, и к сынам ансаров, и к сынам сынов их вовеки!" Растроганные сподвижники закричали: "Мы довольны своей долей и жребием, посланник Божий!". Мухаммед знал, что их сердца принадлежат ему, тогда как сердца мекканцев нужно было еще приобрести; и тут он имел полный успех: кто не поддался снисходительному и дружелюбному обращению победителя, не мог устоять перед щедрыми дарами. Но Мухаммед тут же приобрел сердца и только что разбитых перед тем неприятелей. Когда пришли послы от Малика и Хавазинов, Мухаммед отпустил без выкупа их жен и детей. Тронутый этим великодушием, Малик принял ислам, а его примеру последовали и подвластные ему бедуины.

Глава XVIII. Смерть Мухаммеда. – Оценка его нравственного характера

По возвращении в Медину Мухаммед собрал 30-тысячное войско и объявил поход против Византии. Но, дойдя до пограничного с Сирией города Табука, он остановился. От передовых отрядов пришли известия, что полчища сирийских арабов, собравшиеся к востоку от Иордана, рассеялись без боя, а о войсках императора Гераклия нет никакого слуха. Под этим странным предлогом – как будто дело шло об единоборстве в назначенном месте и времени – Мухаммед решил отказаться от дальнейшего похода. Заключивши договоры с некоторыми шейхами бедуинов на Синайском полуострове, которые, вместо вассальных отношений к Византии, признали его верховенство, Мухаммед вернулся в Медину. По всей вероятности, у него было уже предчувствие смертельной болезни, и он не находил в себе достаточно сил для такого важного и нового предприятия. Это подтверждается тем *прощальным* характером, какое приняло его последнее путешествие в Мекку. По окончании священных обрядов он обратился к собравшимся в долине Мина богомольцам с особой речью. Напомнив им все заповеди и законы ислама, он увещевал их быть между собой в мире и братском единстве, навсегда отказаться от обычая кровной мести, хорошо обращаться со своими женами и рабами и в заключение сказал: “Воистину, я исполнил то, что было мне поручено”.

Через несколько месяцев по возвращении домой он почувствовал приступ горячки. Передав Абу-Бекру предстоятельство на молитве в Мединской мечети, он остался безвыходно в доме любимой жены своей, Аиши. Он не сомневался в близкой смерти и отпустил на волю всех своих рабов. Временами он впадал в бред и однажды потребовал письменных принадлежностей. Его требование не было исполнено, и он на нем не настаивал. Утром в день своей смерти он пришел в полное сознание и показался на пороге смежной с домом Аиши мечети, когда верные были там собраны на молитву. Этот выход истощил его последние силы; когда Аиша уложила его в постель, началась агония. Проговорив задыхающимся голосом бессвязные слова: “нет – великие – товарищи – в раю”, он умер в первом часу пополудни 8 июня 632 года (13 числа месяца – первого Раби 11 года хиджры) на 63 году от рождения.

Историки, наиболее благосклонные к Мухаммеду, все-таки упрекают его за то, что и во второй, мединский период своей

деятельности – период по преимуществу политический – он продолжал выдавать себя за посланника Божия и различным своим приказам и распоряжениям придавать значение прямых божественных предписаний. Этот упрек имеет смысл только при том предположении, что Мухаммед в этот второй период своей жизни уже не считал, а только выдавал себя за посланника Божия. Но когда же он перестал верить в свое посланничество? Такого момента в его жизни нельзя указать, и менее всего можно его искать именно во второй, мединский период. Если в первое время, когда он в пользу действительности своего призвания не имел ничего, кроме своей собственной внутренней уверенности да веры в него Хадиджи и нескольких друзей его, если тогда, вопреки всей внешней очевидности и назло общему мнению, он твердо стоял на своем убеждении, то как же он мог в нем поколебаться, когда после невероятно быстрых успехов он добился признания даже со стороны своих прежних врагов и гонителей? Когда же, в самом деле, был тот момент, в который Мухаммед мог потерять веру в себя и в свое призвание? Не тогда ли, когда чужеземцы клялись ему в верности? Или когда с ним, беглецом и изгнанником, могущественные племена, владевшие вторым городом в Аравии, вступили в договор как с самостоятельным властителем? Или тогда, когда он разбил втрое сильнейших его корейшитов при Бедре? Или тогда, когда при Оходе его дружина за ослушание ему была наказана поражением, а он не только спасся, а сохранил и даже возвысил свое положение? Или тогда, когда соединенные силы всех его врагов рассеялись, не причинив ему никакого урона, перед наскоро выкопанным им рвом? Или когда корейшиты и вся Мекка, а за ними и вся почти Аравия признали его своим верховным владыкой и посланником Божьим? Ясно, что каждый из этих успехов в отдельности мог только укреплять его веру в себя и в свыше данное ему поручение, а весь последовательный ряд этих чудесных успехов должен был довести эту веру до безусловной непоколебимости. А при этом мог ли он проводить точную границу между своим усмотрением и волей Божьей? Если он “отдал сердце свое Богу”, и Бог соединил с ним Свое неизменное благоволение, на каком основании стал бы он отнимать религиозную санкцию у движений этого сердца, отданного Богу? Была здесь, конечно, одна граница, признававшаяся Мухаммедом в принципе и иногда нарушавшаяся им на деле. Он знал, что различие добра и зла, безусловно, не зависит ни от чьего произвола, что даже Бог не может повелеть того, что дурно. И в тех, правда, редких случаях, когда он мстил своим личным врагам или политическую мудрость смешивал с коварной

жестокостью (как относительно евреев), совесть, без сомнения, говорила ему, что это дурно и что Бог не мог этого повелеть. Я сейчас укажу на смягчающие обстоятельства и для этих поступков, но, во всяком случае, они заслуживают осуждения. Нельзя, однако, распространять этого осуждения на разные предписания Корана, в которых не было ничего нравственно дурного, но которые представляются нам как внушенные человеческой политикой, тогда как Мухаммед придавал им значение божественных заповедей. Не нужно забывать, что политика Мухаммеда была искренне религиозной, а его религия с самого начала имела и политическую задачу. Разве существовало в его время (да и гораздо позже) разделение между религией и политикой? Разве не смешивались эти два интереса и вдеятельности византийских императоров, и в деятельности римских пап? Еще менее возможно было это разделение в том варварском состоянии общественной жизни, в котором находились племена Аравии.

Мухаммед не был светским политиком в мединский период, так же, как он не был духовным богословом в эпоху своей первой проповеди. Разница между двумя периодами состояла не в существе дела, а только в способе деятельности, не в существе и характере задачи, а только в степени ее реализации. Сначала Мухаммед безуспешно убеждал, а потом с успехом побеждал своих противников, но и то, и другое он делал во имя одного и того же закона жизни. Этим законом жизни, а не каким-нибудь отвлеченным догматом увлекался он в своих первых проповедях, и этот же закон жизни, интерес его утверждения и распространения, а не какие-нибудь внешние мирские выгоды и соображения руководили им в его походах и войнах. Законодательные Суры Корана из мединского периода суть только частные, практические применения того закона жизни, который он в принципе проповедовал корейшитам, и если самый закон, по искреннему его сознанию, был не от него, а свыше, то та же самая религиозная санкция, без всякого подлога с его стороны, естественно, распространялась и на частные приложения общего принципа, на частные узаконения, реализующие единый закон жизни. Мухаммед был бы виновен в злоупотреблении своим религиозным авторитетом только в том случае, если бы какие-нибудь из его узакониваний были несомненно безнравственны. Таких мы не находим в Коране, хотя многое здесь, как и в законе Моисевом, дано “по жестокосердию” народа. Главное обвинение против Корана то, что он узаконивает многоженство. И это обвинение нельзя принять без оговорок. Узаконивая известные потребности, Коран не обоготворяет их, как это делалось в

язычестве, он не признает за ними безусловного права, а вводит их в известные пределы (не более четырех жен). Эти пределы можно находить слишком широкими и легко обходимыми (посредством различения невольниц от жен, подобно тому, как плохие мусульмане стали обходить заповедь трезвости через различение водки от виноградного вина); но здесь, во всяком случае, есть принципиальное ограничение чувственности вместо прежнего ее обоготворения. Освобождая себя самого от этого ограничения, Мухаммед сознает это как слабость и ссылается на бесконечное милосердие Божие. Из вышеприведенных текстов Корана мы видели также, насколько несправедливы другие упреки, делаемые Мухаммеду, – в фанатизме, нетерпимости, проповеди религиозного насилия. Вообще, в священной книге мусульман нет ни одного изречения, в котором видно было бы сознательное злоупотребление религией со стороны Мухаммеда. За устранением этого основного принципиального обвинения остаются против Мухаммеда только чувственные увлечения его старости и несколько политических убийств, внушенных мстительностью. О первых мы уже говорили, а для справедливого суждения о вторых нужно сравнить Мухаммеда с людьми, находившимися в аналогичном положении. Сами собою напрашиваются на сравнение Константин Великий и Карл Великий. Оба они, так же как и Мухаммед, были деятелями религиозно-политическими. Все трое связывали свою политику с религией, во имя Божие писали законы и вели войны, все трое понимали религию как начало практическое, как основу социально-политического объединения людей, все трое были представителями известных теократических идеалов, и каждый из них оставил после себя некоторую теократическую организацию. По личным свойствам все трое были людьми искренне религиозными, честными и свободными от низких пороков. И всех троих эти личные качества не уберегли от злоупотребления выпавшей на их долю неограниченной властью. Константин Великий предает смерти свою жену и своего невинного сына; Карл Великий избивает 4 500 пленных саксонцев. Эти злодеяния сами по себе тяжелее злодеяний Мухаммеда, и сверх того не надо забывать, что Карл Великий принадлежал к народу, уже триста лет как принявшему христианство, и был воспитан в этой религии, а Константин Великий, сам обратившийся в христианство, кроме того жил в мире несравненно более образованном, нежели культурная среда Мухаммеда. Сравнение этого последнего с религиозно-политическими героями востока и запада христианского мира оказывается, таким образом, в пользу аравийского пророка; и если греки канонизировали Константина,

а латиняне – Карла, то тем более оснований имеют мусульмане благоговейно почитать память своего апостола.

Для личной характеристики и оценки исторического деятеля важно не только то, что он сделал, но и то, что он хотел сделать и что он сам ценил в своем деле. Как сам Мухаммед смотрел на свою задачу, это он высказывает в одной из последних (по времени) Сур Корана (III): “Принимайте всецело божественную религию; не делайте раскола. Помните блага, которыми небо снабдило вас. *Вы были врагами между собою, оно вложило согласие в сердца ваши, вы стали братьями.* Воздайте благодарение благости Его… дабы, *соединенные священными узами, вы призывали людей к истинной вере, предписывали справедливость, запрещали преступления и наслаждались благополучием”.*

Заключение

В предании о ночной поездке Мухаммеда в Иерусалим (см. выше) рассказывается, между прочим, как в “доме поклонения” пророку после молитвы были предложены три чаши: одна с медом, другая с вином и третья с молоком, – и он выбрал из них последнюю.

Между языческой чувственностью (мед) и христианской духовностью (вино) ислам в самом деле есть здоровое и трезвое молоко: своими общедоступными догматами и удобоисполнимыми заповедями он питает народы, призванные к историческому действию, но еще не доросшие до высших идеалов человечества.

Для арабов и других народов, принявших религию Мухаммеда, она должна стать тем, чем был закон для иудеев и философия для эллинов, – переходной ступенью от языческого натурализма к истинной универсальной культуре, школой спиритуализма и теизма в доступной этим народам начальной педагогической форме.

Основная ограниченность в миросозерцании Мухаммеда и в основанной им религии – это отсутствие идеала человеческого *совершенства,* или совершенного соединения человека с Богом, идеала истинной богочеловечности. Мусульманство требует от верующего не бесконечного совершенствования, а только акта безусловной преданности Богу. Конечно, и с христианской точки зрения без такого акта невозможно достижение совершенства для человека; но сам по себе этот акт преданности еще не составляет совершенства. Между тем вера Мухаммедова ставит первое *условие* истинной духовной жизни на место самой этой жизни. Ислам не говорит людям: будьте совершенны, как Отец ваш небесный, то есть совершенны *во всем;* он требует от них только общего подчинения себя Богу и соблюдения в своей натуральной жизни тех внешних пределов, которые установлены божественными заповедями. Религия остается только неизменной основой и неподвижной рамкой человеческого существования, а не его внутренним содержанием, смыслом и целью.

Если нет совершенного идеала, который человек и человечество должны осуществлять в своей жизни своими силами, то, значит, нет для этих сил никакой определенной задачи, а если нет задачи или цели для достижения, то не может быть движения вперед. Вот истинная причина, почему идея прогресса, как и самый факт его остаются чужды магометанским народам. Их культура сохраняет чисто местный, специальный

характер и быстро отцветает без преемственного развития. Мир ислама не породил универсальных гениев, он не дал и не мог дать человечеству “вождей на пути к совершенству”. Тем не менее, религия Мухаммеда еще имеет будущность; она еще будет если не развиваться, то распространяться. Постоянные успехи ислама среди народов мало восприимчивых к христианству – в Индии, Китае, Средней Африке – показывают, что духовное молоко Корана еще нужно для человечества.

notes

Примечания

негус *(эфиоп.)* – титул абиссинского царя.

2

Происшествие во дворце персидского царя в ночь, когда родился Мухаммед, есть позднейшая легенда, которою я пользуюсь лишь как живописным символом, хотя, быть может, она и имеет какое-нибудь реальное основание. Гибель христианского войска под Меккой в год рождения пророка (или около того) есть несомненный факт. Но что эти два события произошли в одну и ту же ночь – это, конечно, более эффектно, нежели достоверно, особенно если принять во внимание, что число и даже месяц рождения Мухаммеда с точностью неизвестны: по одним свидетельствам он родился в день, соответствующий нашему 20 апреля, по другим – 27 августа. – Авт.

3

Любопытно, что еврейское Хягарь (Агаръ) этимологически тождественно с арабским *Хиджра* (переселение, эмиграция), каковым словом обозначается начало мусульманства. Своим удалением из Авраамова города Мекки Мухаммед как бы повторил выселение своего праотца Измаила из дома Авраамова. – Авт.

4

Йемен (то же, что еврейское Ямин) значит, собственно, *правый.* Так как страны света определялись семитами по отношению к стороне солнечного восхода, то по правую руку находился юг, и Йемен значило *южный.* Но правая сторона у большинства народов считается счастливой, поэтому Йемен значит также *счастливый, благословенный.* Отсюда, по недоразумению, южная часть Аравийского полуострова названа римлянами *Счастливой Аравией* (Arabia felix). На таком же недоразумении основано, вероятно, и гомеровское представление о “блаженных эфиопах”. – Авт.

5

Вот традиционная генеалогия Мухаммеда: Косай – Абд-Менаф – Хашим – Абд-эль-Мутталиб – Абдаллах – Мухаммед. Впрочем, руководствуясь известным гиперкритическим методом, необходимо даже отца и мать Мухаммеда признать мифами. Имя отца его означает *служитель Божий,* а имя матери, Амина, значит *верная* – не явно ли здесь аллегорическое олицетворение главных свойств будущего основателя мусульманства? – Авт.

6

От сближения этого “Намус” с греческим *Nomos* (в смысле олицетворения божественного *закона),* по-видимому, приходится отказаться. На самом деле это есть, по всей вероятности, термин из языка и религии халдейских сабиев или мандеев, обозначающий особое проявление Духа Божия. См. исследование *Бранта* о мандейской религии. – Авт.

Причину (смысл) существования *(фр.)*. – Ред.

Живот; матка; недра *(лат.)*. – Ред.

9

Весьма маловероятно, чтобы эти письма были отправлены одновременно. Обращаясь к самому императору, Мухаммед не имел никакой нужды обращаться к его генерал-губернатору в Египте и его вассалу в Сирии. Если обращение Мухаммеда к императору и Шахин-Шаху не есть вымысел (каким признает его, например, новейший историк Мухаммеда, Губерт Гримме), то его следует отнести к самому последнему времени перед смертью пророка. – Авт.